

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК [908+930]:37.0

С. В. НОВИКОВ

Омский государственный
педагогический университет,
г. Омск

О ВОЗМОЖНОСТЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СИБИРСКОМУ СЕПАРАТИЗМУ И ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ ПОСРЕДСТВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Появление сепаратистских настроений в политическом сознании граждан, а тем более представителей элиты, объясняется широким кругом социально-экономических причин, а также влиянием внешнего фактора. Намечившимся тенденциям необходимо противопоставлять спектр адекватных мер по стабилизации ситуации. В данной статье рассмотрены возможности развертывания деятельности по предотвращению сепаратистских настроений посредством образовательной и воспитательной деятельности в условиях сложившейся системы управления.

Ключевые слова: «Сила Сибири», сибирский сепаратизм, образование, краеведческая деятельность, воспитание.

В декабре 2016 г. в стенах Омской научной областной библиотеки им. А. С. Пушкина состоялась презентация научно-популярного издания — книги «Сила Сибири. История Омского края» [1].

Не вдаваясь в полемику вокруг содержания издания, можно согласиться, что книга стала реакцией группы ученых на одну из проблем, стоящих перед многонациональной, занимающей территории двух континентов страной. Быстро меняющаяся геополитическая картина мира подталкивает основных геополитических игроков к пересмотру истории стран и народов. Фальсификациям подвергаются и страницы истории нашей страны. Отдельной темой в изысканиях аналитиков ряда зарубежных стран является Сибирь. С точки зрения ряда зарубежных политиков — «освоенная представителями всего мирового сообщества» и, как следствие, «принадлежащая всему человечеству».

Реализация проекта по отторжению региона от Российского государства находится на начальной, около 30 лет деятельности, стадии выполнения. О наличии подобного вида деятельности свидетельствуют попытки:

— обосновать отделение региона от СССР или РФ, с необходимостью создания «независимого» государства, под протекторатом США;

— прозондировать возможности реализации проектов создания этно-государственных объединений, как-то: Чукотско-Алеутская конфедерация, входящая одновременно в РФ и США;

— заявить о возможной покупке США территории Сибири подобно Аляске;

— распространение в регионе «научной литературы», обосновывающей целесообразность самостоятельности региона с последующим его переходом под международную юрисдикцию;

— поддержка научных и околонучных концепций, доказывающих отсутствие у РФ прав на владение регионом;

— эпизодическое распространение посредством СМИ вышеперечисленных идей в доступной для усвоения форме.

Перечень можно продолжить.

Следует отметить, что СМИ не только не уделяют место и время для противодействия имеющим место идеологическим диверсиям, но, как уже было указано, эпизодически становятся каналами их распространения. К сожалению, не решается проблема и в рамках образовательного процесса.

Одним из путей введения в образовательный процесс контрпропагандистского материала могла стать реализация проекта «Россия и Сибирь: одна страна, одна судьба», разработанного кафедрой управления развитием образования ОмГПУ с целью получения гранта. Последний был разработан при сотрудничестве кафедры с Омской областной общественной организацией «Фонд развития русской культуры им. П. А. Столыпина».

Целью проекта было обозначено: проведение историко-патриотического воспитания и противодействия фальсификации прошлого народов России на материалах Сибири, противодействуя идеологическому влиянию зарубежных субъектов геополитики посредством привлечения СМИ и использования регионального (краеведческого) компонента в преподавании истории России в средних школах Омской области.

В качестве задач проекта были названы:

— разработка материалов по истории развития Сибири как части Российского государства по вопросам присоединения региона к Российскому государству, колонизации и освоения края, развития государственных структур управления, культурной и общественной жизни, истории взаимоотношений русского народа и народов, проживающих в Сибири, проблемах геополитического положения как региона, так и страны в целом в различные исторические периоды;

— размещение материалов в качестве публикаций в финансируемых из бюджета газетах, как-то: «Омская правда», «Вечерний Омск», районная печать;

— проведение серии телепередач по проблемам истории и геополитики на ГТРК «Омск»;

— издание книги для учителя «Россия и Сибирь, в вопросах и ответах»;

— регистрация книги в качестве электронного продукта и предоставление её для размещения на сайтах образовательных учреждений Омской области;

— проведение серии «круглых столов» по отдельным темам, разработанным в ходе реализации проекта при поддержке и на базе: кафедры управления развитием образования ОмГПУ, ветеранских организаций, национально-культурных центров, НКО с последующим размещением материалов «круглых столов» на сайтах указанных организаций.

Предполагалось, что в ходе реализации проекта рейтинговые и популярные СМИ ненавязчиво, применительно к тем или иным историческим событиям и датам, доведут до омишей видение Сибирской и региональной (областной) истории как общей составляющей истории российского народа. А книга будет способствовать реализации регионального (краеведческого) компонента в преподава-

нии дисциплины «История России» с учетом имеющих место фальсификаций и с позиций российской державности.

Проект «Россия и Сибирь: одна страна, одна судьба», ранее не реализуемый, был направлен на разработку банка материалов. В банк материалов должны были войти разработки по вопросам: присоединения региона к Российскому государству; колонизации и освоения края; развития государственных структур управления, культурной и общественной жизни; истории взаимоотношений русского народа и народов, проживающих Сибири; проблемах геополитического положения как региона, так и страны в целом в различные исторические периоды.

Выполнение проекта должно было:

— способствовать развитию регионального компонента в преподавании истории России в средних школах Омской области, что внесет фактор новизны в преподавание предмета;

— предоставить возможность проведения патриотического воспитания на примерах родного края, что станет одной из гарантий сохранения общественно-политической стабильности в регионе, явится подспорьем в работе по противодействию идеологическому влиянию зарубежных субъектов геополитики.

На разных этапах работы над проектом в нем должны были принять участие аспиранты, профессорско-преподавательский состав вузов города, учителя, редакционные коллективы и отдельные журналисты, любители истории.

Реализация проекта должна была заинтересовать в данном вопросе не только обозначенные выше заинтересованные профессиональные группы, но и широкие слои населения различных возрастов.

Механизм реализации проекта в рамках его первого этапа, хронологически относимого на сентябрь—декабрь 2015 года, выглядел следующим образом.

Информационную поддержку проекту должны были оказать ГТРК «Омск», газеты «Омская правда», «Вечерний Омск», районная печать.

Для выполнения мероприятий проекта в части сбора, журналистской и редакторской обработки и публикации материалов на базе кафедры управления развитием образования ОмГПУ планировалось создание редколлегии, в которую должны были войти ученые, журналисты, представители ветеранских и национально-культурных объединений, члены оргкомитета проекта.

На базе кафедры управления развитием образования и редакции ОмГПУ планировалось формирование редакционной коллегии, кафедра предполагала приглашение рецензентов для предиздательской подготовки книги для учителя «Россия и Сибирь в вопросах и ответах».

На базе кафедры управления развитием образования и центра информационных технологий планировалось создание рабочей группы для изготовления и регистрации в федеральных органах книги в качестве электронного продукта.

По окончании первого этапа предполагалась деятельность в рамках нового этапа реализации проекта в 2016 г. В новом этапе акцент делался на расширении проблематики проекта. При этом базовым предполагалось оставить противодействие фальсификациям российской истории и использование краеведческого компонента для оптимизации преподавания истории в школе. В реализации

указанной задачи творческая группа исследователей была готова приступить к написанию методических пособий по истории и современному развитию районов Омской области.

Однако грант, поданный руководителем Омской областной общественной организации «Фонд развития русской культуры им. П. А. Столыпина» В. Ф. Тереховым в областное правительство, интереса и, как следствие, поддержки осенью 2015 г. не получил.

Но следует отметить, что деятельность в направлениях, обозначенных в получившем отказ гранте, велась, ведется и будет вестись независимо от наличия или отсутствия поддержки со стороны властных структур. Эта деятельность связана с работой как творческих групп, так и отдельных исследователей. Приведем некоторые из них:

— совместная работа кафедры регионального развития ОмГАУ и преподавателей кафедры географии и методики обучения географии ОмГПУ над проектом «История социально-экономического и политического развития районов Омской области». Результатом стало написание 98 выпускных квалификационных работ и выпуск в 2008, 2010, 2012 гг. трех комплексных монографий, вошедших в себя исследования по 26 районам области [2, с. 150–151];

— проведение конкурсов детских исследовательских краеведческих работ, посвященных памяти историка, журналиста и прозаика М. Е. Бударина (кафедра управления развитием образования провела таковые в 2013, 2014, 2015 гг.). В результате издаются сборники детских докладов, содержащих материалы по истории населенных пунктов и предприятий, а также рассказы о жителях земли омской, прославивших её в бою и труде [3]. В 2016 г. проведен очередной конкурс, праздничные мероприятия к 95-летию М. Е. Бударина, а на стенах ОмГПУ установлена мемориальная доска памяти сибирского историка, журналиста и просветителя [4, с. 15];

— проведением конференций «Этнический и конфессиональный компонент в культуре и истории России и стран СНГ» (первая конференция прошла при поддержке кафедры истории и социально-педагогических дисциплин ОмГАУ, две последующие конференции проведены на базе кафедры управления развитием образования ОмГПУ и ЧОУ «Специализированный лицей с этнокультурным компонентом» в 2014, 2015 и 2016 гг. Изданы сборники материалов [5];

— в сельских районах области, независимо от властных структур, при поддержке бизнеса, отдельных граждан идет написание книг по истории районов, населенных пунктов. Пример: вышедшая в 2016 г. в Черлакском районе книга «Сергей Бахмаев и его история Черлакского района», рекомендованная для школ района в качестве пособия по «Родиноведению» [6].

Данный перечень можно продолжить. Работает инициативная группа по переизданию «Атласа Омской области», в печати находится книга для чтения «Русская Сибирь и Дальний Восток в XVII–XIX веках».

При этом обращает внимание тот факт, что исследования, проведенные в рамках курсов переподготовки сотрудников органов сельской муниципальной власти «Реализация национальной государственной политики в Российской Федерации» осенью 2014 г., показали, что большая часть

представителей сельских муниципальных районов указала в качестве одной из проблем — отсутствие истории муниципальных районов, отражающей взаимоотношения наций и народов на конкретной территории. При этом все без исключения представители указали на отсутствие средств на подобную деятельность [7, с. 8]. Оценки повторились в 2015 г. на курсах, проведенных для указанного контингента, но посвященных противодействию экстремизму и его сопутствующим, как-то: национальное и региональное противостояние, сепаратизм.

С учетом обозначенного понимания проблемы возникает ряд вопросов, на которые необходимо ответить: исследователям, управленцам, политикам:

— необходима ли координация указанной деятельности по использованию регионального компонента для сохранения стабильности и территориального единства Российской Федерации? Если да, то какая структура должна её проводить? А если подобная структура есть, то почему её деятельность не приносит видимых результатов?

— возможно ли введение регионального компонента в школьную и вузовскую программы, как фактор оптимизации преподавания и как возможность контрпропагандистской деятельности, направленной на сохранение государственной стабильности при сокращении часов на преподавание истории, географии, литературы?

— насколько политически ангажированной, является подача исторического прошлого нашей страны и её регионов сегодня и дает ли эта ангажированность возможность развернуть патриотическое воспитание посредством привлечения регионального материала?

А пока на эти вопросы нет ответов, мы, помимо траты средств, имеем огромное количество малотиражных, как следствие, недоступных для массового читателя, но очень дорогих и не отвечающих потребностям времени изданий, профинансированных из средств бюджета или полученных от представителей бизнеса провластными фондами исходя из факта, что данному фонду отказать нельзя.

В завершение статьи необходимо отметить, что последние массовые издания краеведческой литературы, тираж 100000 экземпляров, увидели свет соответственно в 1976 и 1978 гг. Это брошюры: «История Омской области. С древнейших времен до конца XIX века» и «История Омской области. С начала XX века до наших дней».

Библиографический список

1. Сила Сибири. История Омского края. Омск: Издат. отдел Тарской епархии Русской православной церкви Московского патриархата, 2016. 294 с.
2. Новиков С. В., Меха И. В., Цыганова И. В. Краеведческий и региональный компоненты как форма оптимизации процесса обучения в высшей и общеобразовательной школе // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2014. № 4 (131). С. 149–152.
3. Молодость. 2015. 5 февраля.
4. Новиков С. Летопись Сибирского края // Омская муза. 2016. № 3 (41). С. 12–15.
5. Ахдуд. 2016. № 1. С. 3.
6. Вяткин Ю. Линия жизни // Ветеран Омского Прииртышья. 2016. 7 июля.
7. Новиков С. В. Национальные отношения и результаты национальной государственной политики в Российской Федерации в представлении служащих сельских муниципальных образований (Исторический аспект) // Омский научный

НОВИКОВ Сергей Валентинович, доктор исторических наук, профессор (Россия), заведующий кафедрой

Статья поступила в редакцию 11.01.2017 г.
© С. В. Новиков

УДК 93(571.1)+027.022:343.264(091)/«1905-1917»=161.1 **А. Ф. БУКИН**

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

БИБЛИОТЕКИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (1905–1917)

В статье приводятся сведения о формировании и развитии библиотек политических ссыльных Западной Сибири в 1905–1907 годы, ставших материальной основой для «тюремных университетов». Предлагается периодизация библиотечной работы политических ссыльных в указанный период. Выявлены источники комплектования нелегальных и полулегальных библиотек, охарактеризованы особенности обслуживания читателей. Определена роль организованной ссылки в становлении таких читален, в пополнении их книжных фондов.

Ключевые слова: политическая ссылка, политические ссыльные, библиотеки.

Библиотеки политических ссыльных — особая страница в истории просвещения в Западной Сибири. В таких удалённых от центров культурной жизни селениях, как Нарым Томской губернии или Обдорск Тобольской губернии, книги для ссыльных играли весьма важную роль. Библиотечная сеть Западной Сибири в 1905–1917 годах была довольно слабо развита. Наиболее крупными на территории Западной Сибири того времени были: библиотека Сибирской железной дороги в Томске (в 1911 году в ней имелось 53410 томов), частная Макушинская библиотека в Томске (более 30 тысяч томов в 1911 году), Томская городская публичная библиотека с книжным фондом свыше 16 тысяч томов. Самой крупной являлась библиотека Томского университета (более 222 тысяч томов в 1911 году). В Томской губернии к 1914 году насчитывалось 250 сельских читален с общим книжным фондом в 103778 томов. В среднем на одну из них приходилось 415 книг. В Тобольской губернии библиотечная сеть также была неразвитой: 172 читальни с общим книжным фондом в 110012 томов, на одну в среднем приходилось по 622 тома [1]. В сельской местности на территории Западной Сибири крупных библиотек не было. Поэтому трудно переоценить значение политических ссыльных в организации читален, книжные фонды некоторых из них насчитывали до 4 тысяч томов.

Источники по истории библиотечного дела политических ссыльных весьма скудны. Это следственные материалы по поводу изъятия литературы, донесения приставов. Поскольку официальные источники содержат информацию в основном о библиотеках, разгромленных полицией, то сведения о книжных фондах, которые избежали таковой

участи, отражены в воспоминаниях невольных узников. Историография данной проблемы весьма скудная. Первые исследования этой темы появились в конце 50-х годов XX века. Я. Г. Ханинсон исследовал материалы о Нарымской библиотеке поднадзорных [2], выявил источники её комплектования легальными и нелегальными изданиями, описал способы укрытия книг во время полицейских облав. Э. Ш. Хазиахметов в монографии «Большевики в Нарымской ссылке» рассмотрел вопросы постановки библиотечного дела ссыльных в Нарымском крае, способы доставки литературы, отметил их роль в общеобразовательной и политической учебе [3]. Д. С. Жарков охарактеризовал библиотеки как общеколониальные внепартийные учреждения, указал на стремление социал-демократов и эсеров влиять на политическое воспитание читателей путём подбора литературы соответствующего направления. По мнению Д. С. Жаркова, библиотеки политических поднадзорных рассматриваемого периода имели интернациональный характер: здесь можно было встретить литературу не только на русском языке, но и на латышском, польском и других [4]. Новой вехой в изучении библиотечного дела политических ссыльных Сибири стала монография Э. Ш. Хазиахметова «Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи)» [5, с. 58–61], в которой впервые сообщаются сведения о 110 читальнях поднадзорных в 87 населённых пунктах Сибири: общих насчитывалось 65, социал-демократических — 5, эсеровских — 3, личных — 22, отмечается количественный рост в 1906–1917 годы (от 8 в 1906 1907 гг. до 64 — в 1910–1911 годы), указан ряд крупнейших из них, книжные фонды которых насчитывали по несколько тысяч томов, установлены имена

106 энтузиастов библиотечного дела среди политических ссыльных, из них: 47 социал-демократов (в том числе 23 большевика, 8 меньшевиков, 3 бундовца, у 13 библиотекарей не удалось определить фракционную принадлежность), 18 эсеров, 2 члена ППС фракции и 2 беспартийных [6]. Позднее Н. Н. Щербаков, дополнил эти сведения, насчитав свыше 200 партийных, беспартийных и общих библиотек политических узников в 114 населённых пунктах Сибири. Так, по его подсчётам в 1907–1910 годы в Тобольской губернии в 18 селениях действовало 30 общих, 9 партийных и 12 личных читален, а в 5 колониях Томской губернии — 5 общих, 3 партийные и 12 личных, в городе Омске соответственно — 1, 3 и 3. В общей сложности на территории Западной Сибири в 24 населённых пунктах Н. Н. Щербаков насчитал 78 библиотек ссыльных: 36 общих, 15 партийных и 27 личных [7]. Наиболее видными организаторами библиотечного дела в политической ссылке Западной Сибири рассматриваемого периода были: Н. И. Дроханов (г. Омск), Е. Л. Писаревский (г. Тобольск), И. М. Малышев, А. А. Сольц, М. Б. Самсонов и И. В. Стецкий (г. Тюмень), А. Н. Медведков, И. И. Шамшин, Я. М. Свердлов и И. Ф. Оборин (Нарымский край).

В истории нелегальных библиотек политических ссыльных 1905–1917 годов можно выделить три периода. В основе этой периодизации лежат различные формы работы, содержание книжного фонда.

1. В 1906–1910 годы — начало работы по комплектованию книжного фонда, и осуществлялась она не стихийно, а организованно. Возможность читать для политических ссыльных была жизненно необходима. Оказавшись вне активной революционной деятельности, поднадзорные стремились использовать это время для пополнения своих знаний, иметь возможность ориентироваться в происходящих в России и мире событиях. Часть книг они привезли с собой. Однако их количество было ничтожно мало. В местах компактного водворения читален почти не было, а те немногочисленные, которые здесь можно было посетить, имели мизерное количество книг. На весь Нарымский край имела лишь одна общедоступная народная библиотека, открытая в 1902 году, но книг в ней было мало. В 1904 году томская газета «Сибирская жизнь» обращалась к читателям с просьбой пополнить книжные фонды нарымской читальни. Сами поднадзорные осознавали остроту данного вопроса. Основными местами водворения ссыльных в годы первой русской революции на территории Западной Сибири были северные уезды Тобольской губернии и Нарымский край Томской губернии. Именно здесь первые же высланные участники революционного движения стали обсуждать необходимость обеспечения ссылки учебной, политической и художественной литературой. Так, на III съезде политических ссыльных Тобольского уезда был заслушан доклад о ходе организации библиотек [8]. Вопрос о комплектовании их фондов был поставлен в повестку съезда первым. К сентябрю 1906 года были получены первые ответы на запросы в редакции периодических изданий. На просьбы о присылке своих номеров отозвались лишь некоторые газеты и журналы: «Степной пионер», «Правда», «Современная жизнь», «Образование». Ни одно книжное издательство не ответило. Покупать книги ссыльным было не на что. Съездом было принято решение ещё раз обратиться к книгоиздателям. Съезд рекомендовал осудить те факты, когда поднадзорные, получающие газеты

и журналы на своё имя, оставляли их в личное пользование. Было высказано пожелание, чтобы личные книги, газеты и журналы предоставлялись для чтения возможно большему числу товарищей. Поднадзорные города Туринска Тобольской губернии социал-демократы Н. С. Зезюлинский, Б. М. Нимвицкий, С. И. Попова, А. А. Сольц, И. В. Стецкий, эсеры В. М. Брадис (в будущем выдающийся советский математик, профессор, доктор педагогических наук, автор «Четырёхзначных математических таблиц»), Я. К. Брингфельд, Б. Г. Нестеровский, И. Д. Смирнов, анархист А. П. Моисеенко, беспартийный В. Ф. Краснов — одними из первых создали весьма солидную нелегальную библиотеку. К моменту изъятия её полицией в июле 1910 года в ней насчитывалось более 1000 томов. Книжный фонд Туринской колонии ссыльных имел книги по различным отраслям знаний, периодику, а также художественные произведения русских писателей. Читальня располагалась в доме одного из нарымчан. Активисты из числа ссыльных произвели каталогизацию имеющейся литературы. Литературой могли пользоваться и местные жители. На читателей заводились учётные карточки. К моменту разгрома библиотеки полицией 28 читателей числились в должниках. Читальня была платной. Все сборы тратились на съём помещения и выписку периодики [9].

Аналогичная ситуация наблюдалась в районах массовой ссылки Нарымского края. Нарымская библиотека политических ссыльных, основанная в 1906 году, обладала внушительным книжным фондом — более 4000 томов. Имелось несколько источников комплектования. Важнейшим была присылка редакциями газет и журналов своих бесплатных номеров. А. М. Дижбит, отбывавший ссылку в Нарыме, вспоминал: «Постепенно наладили связь с родиной, начали получать из Риги литературу, необходимую для изучения марксизма, языков и повышения общеобразовательного уровня. Газеты и журналы мы получали со всех концов России: из Риги, Москвы, Петербурга, Киева, Одессы и других. Средств оплачивать всё это у нас не было, но стоило написать письма в издательство, редакции, что ссыльные просят выслать им экземпляр такого-то издания, как просьба удовлетворялась. Благодаря этому недостатка в учебниках и литературе у нас не было: так что ссылка явилась для нас своеобразным университетом. Мы эту возможность использовали на полную мощность: изучали труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова... Изучали языки, занимались общим образованием» [10]. Обращались в редакции не только лично, но и «официально» от имени колонии ссыльных. Центральное бюро политических ссыльных города Нарыма направляло письмо в правление кружка помощи политзаключённым (город Краков) с просьбой о высылке нелегальных изданий. В районах массовой ссылки остро ощущалась нехватка нелегальной литературы. Оказавшись вдали от активной партийной работы, политические ссыльные тем не менее стремились быть в курсе последних событий политической жизни и революционного движения, а потому обратились к польским товарищам с просьбой о присылке партийных изданий. Проще обстояло дело с незапрещённой литературой. Её присылали частные лица, благотворительные общества и издательства. Например, питерская меценатка Юлия Безродная отправила литературу в Колпашево Томской губернии, которую туда доставили на 6 санях [11, с. 93, 129].

Партийные организации разработали несколько схем доставки нелегальной литературы в районы водворения политических ссыльных. За рубежом существовали специальные транспортные комиссии и экспедиции, снабжавшие ссыльных нелегальными изданиями. Э. Ш. Хазиахметов подсчитал, что в Тобольской губернии в 1908–1914 годы имелось 53 адресата нелегальной литературы, из них получателей: эсеровской и социал-демократической литературы — по 22, национальных партий — 2. По 61 адресу направлялась литература в Томскую губернию: социал-демократам — 32, эсерам — 16, анархистам — 1, представителям национальных партий — 4 [5, Приложение 5]. Доставлялась литература разными способами. Периодика иногда просто пересылалась в конвертах, при этом нелегальные издания, такие как «Пролетарий», «Социал-демократ», «Рабочая газета», вкладывались в номера реакционных и либеральных изданий. Нередко нелегальные издания отправлялись на адреса местных периодических изданий, а те оттуда пересылали её в районы ссылки. На территории Западной Сибири среди таковых были редакции газет «Сибирская окраина» (Тюмень) и «Сибирская жизнь» (Томск). Библиотеки политических ссыльных регулярно получали и периодику ряда социал-демократических партий европейских стран. Так, отбывавшие ссылку в селе Колпашево Томской губернии получали французскую «Юманите». Железная дорога также использовалась для доставки литературы в районы ссылки. При этом коробки с книгами маскировались под различные товары. В Омске в 1912 году в Российском транспортном агентстве были вскрыты два деревянных ящика с цветными карандашами, но вместо карандашей в них оказались революционные и политические брошюры и прокламации [12].

Читальни располагались, как правило, в отдельных помещениях, снимаемых у местного населения. Между социал-демократами и эсерами развернулась настоящая борьба за руководство библиотеками, так как лица, занятые комплектованием библиотечных фондов, путём подбора литературы того или иного политического направления имели возможность влиять на мировоззрение всей ссылки, позицию поднадзорных по злободневным вопросам политики. В Нарыме в этом вопросе верх взяли социал-демократы. В известной мере это обстоятельство способствовало пересмотру некоторыми ссыльными своих политических взглядов, переходу их на социал-демократические позиции. Зачастую читальни были размещены при общественных столовых.

Библиотеки поднадзорных не существовали вообще. Некоторое подобие межбиблиотечного обмена литературой наблюдалось в нарымской ссылке.

В целом 1906–1910 годы были временем формирования библиотечной сети в районах массовой ссылки в Западной Сибири, комплектования их книжного фонда.

2. 1911–1914 годы. С 1911 года началось ужесточение режима в ссылке. Полулегальное существование библиотек политических ссыльных прекратилось. Все они были разгромлены полицией. Но часть книжного фонда удалось спасти. Теперь уцелевшая литература хранилась в личных коллекциях, но продолжала выдаваться всем желающим. Часть книг была взята на хранение В. В. Куйбышевым, И. Я. Жилиным и другими. Местное на-

селение оказывало ссылке посильную помощь при полицейских облавах: прятали книги в снежных сугробах зимой, в стогах сена летом. Но и эти личные книги периодически изымались полицией. В апреле 1914 года обыском у троих поднадзорных было изъято 1306 книг и журналов, а в августе того же года 134 тома. Полиция вела планомерную работу по борьбе с нелегальными библиотеками в районах водворения. Изъятию подлежали не только литературные собрания, но и отдельные книги и брошюры. Причём изымалась не только нелегальная литература, но и общедоступная — те книги, которые можно было свободно купить в книжных магазинах.

Так, у И. Я. Жилина вместе с прочей литературой был изъят «Свод законов Российской империи» (16 томов). Сам хозяин этих книг подавал по этому поводу прошение на имя прокурора Томского окружного суда, но книги ему так и не были возвращены [11, с. 220–223].

В 1911–1914 годы произошло значительное сокращение книжного фонда, библиотеки политических ссыльных превратились в строго законспирированные организации.

3. 1915–1917 годы. После начала Первой мировой войны в Западно-Сибирской политической ссылке существенно увеличилась численность выходцев из западных губерний России, высланных на время военного положения. Например, удельный вес латышей составлял в тот период около 1/3. В связи с этим в библиотеках политических ссыльных происходило увеличение количества литературы на языках западных национальных окраин Российской империи (латышском, польском). Увеличение численности высланных, естественно, осложняло надзор за ними и вело к известному осложнению режима. Но ещё более начало войны повлияло на личный состав полиции. Любой должностной проступок со стороны надзирателя или пристава мог повлечь за собой его увольнение со службы, что в условиях военного времени означало отправку на фронт со всеми вытекающими из этого последствиями. По воспоминаниям В. М. Косарева, «полицейские надзиратели стали шёлковыми во время войны. Эти вояки страшно боялись фронта» [13]. Это способствовало увеличению книжного фонда в районах ссылки.

Библиотеки политических ссыльных, насчитывавшие сотни томов учебной и художественной литературы, служили материальной базой для учебной, способствовали развитию у последних интереса к тем или иным отраслям знаний, стремлению применить полученные знания на практике. Часть революционеров, прибыв в места ссылки неграмотными или малограмотными, здесь начинали принимать посильное участие в исследовании самой ссылки, истории и природы местного края. Важную роль в формировании книжного фонда сыграла организованная ссылка. Вопросы о постановке читален рассматривались на съездах политических ссыльных. Съездами же был выработан основной принцип их работы — доступность литературы для всех желающих, в том числе для читателей из числа местных жителей. Библиотеки в условиях ссылки являлись одним из средств политической борьбы между представителями различных партий, поэтому за руководство ими, а значит, за возможность влиять на мировоззрение своих товарищей, развернулась настоящая борьба между социал-демократами и эсерами.

Библиографический список

1. Библиотеки. В 3 т. // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1. С. 321–322.
2. Ханинсон Я. Г. Из истории нелегальной большевистской библиотеки в Нарымском крае // Библиотеки СССР: опыт работы. М., 1958. Вып. 9. С. 58–65.
3. Хазиахметов Э. Ш. Большевики в Нарымской ссылке: моногр. / Э. Ш. Хазиахметов. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1967. С. 129.
4. Жарков Д. С. Библиотеки политических ссыльных Сибири конца XIX – начала XX в. // Научные библиотеки Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1972. Вып. II. С. 5–29.
5. Хазиахметов Э. Ш. Сибирская политическая ссылка 1905–1917 гг. (облик, организации, революционные связи): моногр. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. 183 с.
6. Хазиахметов Э. Ш. Рабочие «университеты» в тюрьме и ссылке // Рабочие-партийцы и их роль в освободительной борьбе трудящихся Сибири против царизма: сб. ст. Омск, 1986. С. 109.
7. Щербаков Н. Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири (1907–1917): моногр. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984. С. 57–86.
8. Государственный архив в г. Тобольске (ГА в г. Тобольске). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1037. Л. 69.
9. Хазиахметов Э. Ш. Туринская библиотека политических ссыльных (1906–1917 гг.) // Урбанизация и культурная жизнь Сибири: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Омск, 1995. С. 159–160.
10. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 4204. Оп. 4. Д. 199. Л. 22–23.
11. Нарымская ссылка (1906–1917 гг.): сборник документов и материалов о ссыльных большевиках / Под ред. И. М. Разгона. Томск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. Томское отд-ние, 1970. 386 с.
12. Исторический архив Омской области (ИсАОО). Ф. 270. Оп. 1. Д. 312. Л. 4.
13. ЦДНИТО. Ф. 4204. Оп. 4. Д. 115. Л. 6.

БУКИН Алексей Фёдорович, кандидат исторических наук, доцент (Россия), доцент кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: bukin-a.f@ya.ru

Статья поступила в редакцию 30.01.2017 г.

А. Ф. Букин

УДК 335.145(09)

В. А. КУТЕПОВ
К. А. АНКУШЕВА

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

Тюменский государственный
университет,
г. Тюмень

К ИСТОРИИ ВВЕДЕНИЯ ПОГОН И ЗНАКОВ РАЗЛИЧИЯ В АРМИИ РОССИИ (1732–2014 гг.) ЧАСТЬ III. 1956–1974 гг.

В статье рассмотрена трансформация знаков различия на форменной одежде военнослужащих, показывающих их персональные воинские звания, принадлежность к виду вооруженных сил, роду войск, службе. Обобщен перечень законодательных актов, постановлений и приказов, регламентирующих изменения в описания погон и знаков различия военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота (1956–1974 гг.).

Ключевые слова: погоны, звезды, нашивки, эмблемы, знаки различия военнослужащих, форма одежды.

Часть I опубликована в журнале «Омский научный вестник». 2014. № 5 (132). С. 16–21. Часть II опубликована в журнале «Омский научный вестник». 2015. № 1 (135). С. 10–16.

В настоящее время и в будущем решающая роль в бою будет принадлежать человеку — воину, обладающему высокими морально-психологическими и боевыми качествами, в совершенстве владеющему боевой техникой и искусством добиваться победы. При этом особое внимание уделяется не только вооружению и военной технике, но и индивидуальному обеспечению каждого военнослужащего необходимыми материальными средствами. К ним

относятся тыловое (материальное) и медицинское обеспечение.

Современная военная форма в целом соответствует защитным, гигиеническим, тактическим и эстетическим требованиям и обеспечивает благоприятные условия для несения воинской службы и выполнения поставленных боевых задач [1]. Однако появление новых образцов вооружения и техники, изменения в теории и практике вооруженной

борьбы требуют постоянного совершенствования военной формы одежды и знаков различия. Предполагается, что знание исторического опыта введения погон и знаков различия в армии России и их изменения помогут заинтересованным лицам в решении вопросов дальнейшего совершенствования этих элементов, а также позволит широкому кругу читателей расширить свой уровень знаний по затрагиваемой проблеме.

Об истории военного костюма, погонов, знаков различия, геральдике, фалеристике и эмблематике опубликовано достаточное количество научной, научно-популярной и специальной литературы [2–5]. Однако в большинстве работ подробно описаны только отдельные, наиболее кардинальные нововведения и изменения внешнего вида погон и знаков различия русской армии [6–9]. Цель данного исследования — обобщить доступную информацию по истории введения, функциональности и эволюции погон и знаков различия русской армии.

В первой части нашего исследования на основе широкой источниковой базы определены:

- 1) время введения погона как элемента военной формы одежды в русской армии и его первоначальное назначение;
- 2) период использования погон как знаков, указывающих на принадлежность воина к тому или иному полку или части;
- 3) предназначение и время введения эполет;
- 4) трансформация погон и знаков различия Русской императорской и в последующем Красной Армии до начала Великой Отечественной войны [10, с. 16–21].

Во второй части продолжено изучение документов, на основе которых были введены изменения в описание знаков различия Красной Армии, Советской Армии в период 1941–1956 гг. Были установлены:

- 1) изменения знаков различия для личного состава действующей армии и маршевых частей с 1 августа 1941 г.;
- 2) причины введения погон в 1943 г.;
- 3) изменения в описании погон и знаков различия в послевоенный период до 1956 г. [10, с. 10–16].

После проведения анализа рассмотренного периода возникает вопрос о целесообразности столь частого изменения погон и знаков различия. Тем более для этого требовались значительные финансовые средства. Однако нельзя не отметить, что именно военная форма накладывает на человека особые обязательства. Поведение человека в военной форме — это внешняя сторона, по которой окружающие в значительной мере судят о надежности, внутренней силе и нравственных качествах армии, крепости государства. Не одно столетие весь мир придирчиво оценивал внешний вид представителей той армии, которая одержала столько славных побед.

Таким образом, погоны и знаки различия военнослужащих являются важным аспектом изучения как истории армии, так и истории России.

Знаки различия для военнослужащих Советской Армии и Военно-Морского Флота СССР (далее — СА и ВМФ), до рассматриваемого периода, были определены Указами Президиума Верховного Совета СССР, от 6 января 1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Красной Армии» [11, с. 1], от 15 февраля 1943 г. «О введении новых знаков различия для личного состава Военно-Морского Флота СССР» [12, с. 373].

Описание знаков различия давалось в приказах министра обороны СССР от 30 июня 1955 г. № 105 «О введении в действие Правил ношения военной формы одежды Маршалами Советского Союза, адмиралами флота Советского Союза, маршалами, генералами, адмиралами и офицерами Советской Армии и Военно-Морского Флота (на мирное время)» [13] и от 4 августа 1956 г. № 120. «О введении в действие Правил ношения военной формы одежды сержантами, старшинами, солдатами, матросами, курсантами и воспитанниками Советской Армии и Военно-Морского Флота (на мирное время)» [14].

Все последующие годы изменения в описании погон и знаков различия проводились регулярно, как правило, после каждой смены руководства страны или руководства Министерства обороны СССР.

1956 год. 22 сентября на погонах Маршалов Советского Союза, главных маршалов родов войск были введены звезды золотистого цвета (вместо ранее существовавших серебряных) с окантовкой по цвету канта погона [15].

Поле погона Маршалов Советского Союза — из позолоченного галуна. Цвет канта погона — красный. В верхней части погона вышит герб Советского Союза диаметром 47 мм, а ниже герба вышита золотом окантованная по граням красным шелком пятиконечная звезда диаметром 50 мм.

Поле погона главных маршалов родов войск — из позолоченного галуна. На погоне вышиты золотом: в верхней части — эмблема по роду войск, а в нижней части — окантованная цветным щелком пятиконечная звезда диаметром 40 мм в обрамлении двух лавровых веток золотистого цвета. Цвет канта погона и окантовка звезды: для артиллерии и бронетанковых войск — красный, для авиации — голубой, для инженерных войск и войск связи — малиновый.

Поле погона маршалов родов войск — из позолоченного галуна. На погоне вышиты золотом: в верхней части — эмблема по роду войск, а в нижней части — окантованная цветным щелком пятиконечная звезда диаметром 40 мм. Цвет канта погона и окантовка звезды — как и на погонах главных маршалов.

24 декабря вместо полевых погон и петлиц, введенных в 1943 г., установлены полевые погоны и петлицы без цветных кантов — для ношения при летней повседневно-полевой форме одежды в строю офицерами, сержантами и солдатами — на гимнастерке, а офицерами ВВС на открытом кителе¹. Звездочки эмблемы и пуговицы на погонах — существующего образца, но защитного цвета.

1957 год. 23 апреля были введены погоны к рубашкам. Для маршалов и генералов — мягкие, съемные без цветных кантов, существующей формы, шириной 5,5 см, из той же ткани, что и рубашка. Пуговицы для крепления погон к рубашкам маршалов — позолоченные, к рубашкам серого цвета пуговицы серого цвета, к рубашкам защитного цвета пуговицы защитного цвета. Для офицеров — погоны мягкие, съемные без цветных кантов, существующей формы, шириной 5,5 см, из той же ткани, что и рубашка. На погонах звездочки, эмблемы и пуговицы защитного цвета².

22 июля введена для пионеров — воспитанников суворовских военных училищ верхняя рубашка из отбеленной бязи с короткими рукавами. Погоны на рубашке съемные, мягкие, шириной 5,5 см, существующего образца, но без кантов³.

1958 год. Приказом министра обороны СССР от 29 марта 1958 г. № 70, во исполнение Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 марта 1958 г. для офицеров и сверхсрочнослужащих сухопутных войск и ВВС установлено единое обмундирование с погонями, петлицами, окантовкой и эмблемами по роду войск (служб) [16]. Этим же приказом внесены изменения в ранее существовавшие погоны. Теперь погоны подразделялись на погоны для парадно-выходного, повседневного и полевого обмундирования, а по способу крепления — на съемные и нашивные. Установлена единая ширина погонов: для генералов всех родов войск и служб — 6,5 см, для офицеров всех родов войск и служб — 6 см.

Погоны к парадно-выходному обмундированию маршалов, генералов и офицеров — с полем из золотистого или серебристого металлического галуна, с кантами. Погоны рядового и сержантского состава срочной и сверхсрочной службы — из цветной ткани по роду войск (служб), без кантов. Погоны курсантов военных училищ — из цветной ткани по роду войск (служб), с кантами. Знаки различия на погонах — золотистого или серебристого цвета существующих образцов.

Погоны к повседневному обмундированию маршалов и генералов — из шелкового галуна защитного цвета, с кантами. Погоны офицеров — из ткани или шелкового галуна защитного цвета, без кантов, с просветами. Знаки различия на погонах маршалов, генералов и офицеров — золотистого цвета существующих образцов. Погоны сержантов и солдат срочной и сверхсрочной службы — из ткани защитного цвета, без кантов; нашивки на погонах сержантов и ефрейторов — красного цвета; пуговицы и эмблемы — защитного цвета; погоны курсантов военных училищ — такие же, как и на парадно-выходном обмундировании.

Погоны к полевому обмундированию маршалов и генералов — из шелкового галуна защитного цвета, с кантами. Знаки различия и пуговица — защитного цвета. Герб на погонах Маршалов Советского Союза такой же, как и на погонах парадно-выходного и повседневного обмундирования. Погоны офицеров — из ткани или шелкового галуна защитного цвета. Знаки различия и пуговицы на погонах — защитного цвета. Погоны сержантов и солдат — из ткани защитного цвета.

1963 год. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 октября 1963 г. внесены изменения в описание погонов военнослужащих СА и ВМФ. Погоны на повседневном обмундировании адмиралов, генералов с полем из шелкового галуна черного цвета с кантами. Канты на погонах адмиралов — золотистого цвета, на погонах генералов — существующих цветов.

Погоны для офицеров с полем из шелкового галуна черного цвета, без кантов, с просветами. Просветы на погонах офицеров корабельной, инженерно-корабельной и инженерно-технической служб (кроме офицеров инженерно-технической службы частей авиации) — золотистого цвета, на погонах остальных офицеров — существующих цветов.

Погоны (погончики) для военнослужащих СА и ВМФ в звании «старшина» существующего образца. По осевой линии погона (погончика) одна продольная нашивка существующего образца и цвета, шириной 30 мм.

1969 год. Приказом министра обороны СССР № 191 от 26 июля 1969 года вводится новая форма одежды для военнослужащих Советских вооружен-

ных сил. Переход на нее был осуществлен в течение двух лет начиная с 1970 года, по мере окончания сроков носки ранее выданных предметов прежней формы.

Введение новой формы одежды проводилось в связи со значительными изменениями в вооружении и техническом оснащении войск. Существующая форма уже не полностью удовлетворяла требованиям времени и эстетическим запросам военнослужащих. Встал вопрос и о значительном улучшении качества тканей, используемых для пошива обмундирования, за счет новейших достижений легкой и химической промышленности, с использованием синтетических и искусственных материалов [17, с. 4].

В новом приказе погоны подразделяются уже не на два (жесткие пристежные и полужесткие нашивные), а на четыре вида. На погоны для парадного и парадно-выходного, повседневного, полевого обмундирования и по способу крепления на нашивные и съемные.

Погоны на парадном и парадно-выходном обмундировании. Поле погонов для всех генералов — золотистого цвета, для сержантов и солдат мотострелковых войск, курсантов высших командных общевоинских и военно-политических училищ — красного цвета вместо малинового (табл. 1).

Канты на погонах: офицеров СА, имеющих общевойсковые и инженерные воинские звания (кроме авиации и воздушно-десантных войск), — красного цвета; генералов и офицеров медицинской, ветеринарных служб и юстиции, а также офицеров административной службы — малинового цвета.

Просветы на погонах: офицеров СА, имеющих общевойсковые и инженерные воинские звания (кроме авиации и воздушно-десантных войск), — красного цвета; офицеров медицинской, административной, ветеринарной служб и юстиции — малинового цвета.

Цвет звездочек на погонах генералов и офицеров — по цвету поля погонов. Звездочки на погонах генералов окантованы шелком по цвету кантов.

На погонах к парадно-выходному мундиру и шинели сержантов, солдат срочной службы на расстоянии 15 мм от нижнего края погона размещаются буквы «СА» золотистого цвета. Высота букв 32 мм.

Погоны на повседневном обмундировании военнослужащих СА. Погоны, нашивки и эмблемы на погонах для сержантов, солдат и курсантов военных училищ такие же, как и на парадно-выходном обмундировании. Просветы на погонах офицеров такие же, как и на погонах к парадно-выходному обмундированию. Поле погонов военнослужащих сверхсрочной службы — защитного цвета.

Погоны на полевом обмундировании военнослужащих СА. Просветы на погонах офицеров такие же, как и на погонах к парадно-выходному обмундированию. Нашивки на погонах для сержантов, солдат и курсантов военных училищ — красного цвета, эмблемы — защитного цвета.

1971 год. С введением в Вооруженных Силах СССР института прапорщиков и мичманов были утверждены образцы и описание знаков различия [18, с. 4].

Погоны на парадно-выходном обмундировании. Поле погонов прапорщиков СА установленно-го цвета по роду войск (служб), а для внутренних и пограничных войск установленного для них цвета. Поле погонов мичманов и прапорщиков береговых частей ВМФ и морских частей пограничных

Расцветки погонов военнослужащих Советской Армии и ВМФ (1974 г.)

Род войск (службы)	Погоны			
	Цвет поля	Цвет кантов	Цвет просветов	Цвет нашивок и галунов
Мотострелковые войска				
Генералы	Золотистый	Красный	—	—
Офицеры, имеющие общевойсковые в/звания	Золотистый	Красный	Красный	—
Прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы	Красный	—	—	Золотистый
Сержанты, солдаты и курсанты	Красный	—	—	Золотистый
Артиллерия, танковые войска				
Маршалы и генералы	Золотистый	Красный	—	—
Офицеры, имеющие общевойсковые в/звания	Золотистый	Красный	Красный	—
Прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы	Черный	—	—	Золотистый
Сержанты, солдаты и курсанты	Черный	—	—	Золотистый
Авиация. Воздушно-десантные войска и инженерно-аэродромные части				
Маршалы и генералы	Золотистый	Голубой		
Офицеры, имеющие общевойсковые в/звания	Золотистый	Голубой	Голубой	
Прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы	Голубой			Золотистый
Сержанты, солдаты и курсанты	Голубой			Золотистый
Инженерные войска, войска связи, дорожные, строительные и трубопроводные части, служба военных сообщений				
Генералы инженерных войск, войск связи и технических войск	Золотистый	Малиновый	—	—
Офицеры, имеющие общевойсковые в/звания	Золотистый	Красный	Красный	—
Прапорщики и военнослужащие сверхсрочной службы	Черный	—	—	Золотистый
Сержанты, солдаты и курсанты	Черный	—	—	Золотистый
Суворовцы	Красный	Белый	—	Золотистый
Военные строители	Черный	—	—	Золотистый

войск черного цвета, прапорщиков авиации ВМФ голубого цвета.

Погоны прапорщиков СА, авиации ВМФ, внутренних и пограничных войск без кантов. Погоны мичманов ВМФ с кантом белого цвета, прапорщиков береговых частей ВМФ с кантами красного цвета, мичманов морских частей пограничных войск с кантами светло-зеленого цвета (табл. 2).

Погоны на повседневном обмундировании. Поле погонов прапорщиков СА и внутренних войск защитного цвета, пограничных войск светло-зеленого цвета. Поле погонов мичманов и прапорщиков береговых частей ВМФ и морских частей пограничных войск черного цвета, прапорщиков авиации ВМФ голубого цвета.

Погоны прапорщиков СА, авиации ВМФ, внутренних и пограничных войск без кантов. Погоны мичманов ВМФ с кантом белого цвета, прапорщиков береговых частей ВМФ с кантами красного цвета, мичманов морских частей пограничных войск с кантами светло-зеленого цвета [19, с. 468].

Погоны на полевом обмундировании. Поле погонов прапорщиков СА и внутренних войск защитного цвета, пограничных войск светло-зеленого цвета, прапорщиков морской пехоты ВМФ черного цвета. Погоны прапорщиков СА, внутренних и пограничных войск без кантов, прапорщиков морской пехоты ВМФ с кантами красного цвета.

Знаки различия на погонах. На погонах прапорщиков и мичманов по осевой линии прикрепляются

Погоны Маршалов Советского Союза, адмиралов флота Советского Союза,
маршалов родов войск, генералов и адмиралов, офицеров,
сержантов и солдат Советской Армии и Военно-Морского Флота

К парадному и парадно-выходному обмундированию (с 1974 г.)									
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.
21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30.
31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	38.	39.	40.
<p>1. Маршал Советского Союза; 2. Адмирал Флота Советского Союза; 3. Главный маршал артиллерии; 4. Главный маршал бронетанковых войск (для шинели); 5. Главный маршал авиации; 6. Адмирал флота (для шинели); 7. Маршал артиллерии; 8. Маршал бронетанковых войск; 9. Маршал авиации; 10. Маршал инженерных войск; 11. Генерал-полковник; 12. Адмирал; 13. Адмирал-инженер; 14. Генерал-полковник юстиции; 15. Генерал-полковник инженер (в ВМФ); 16. Генерал-лейтенант авиации; 17. Генерал-лейтенант (инженерные войска, войска связи, технические войска, интендантская служба); 18. Генерал-майор медицинской службы; 19. Генерал-майор ветеринарной службы; 20. Полковник; 21. Капитан 1 ранга; 22. Полковник-инженер; 23. Капитан 2 ранга-инженер; 24. Подполковник (интендантская, медицинская, ветеринарная, административная службы и юстиция); 25. Подполковник-инженер (авиация СА); 26. Подполковник (для шинелей офицеров СА); 27. Капитан 3 ранга (для шинелей офицеров ВМФ); 28. Майор медицинской службы (в ВМФ); 29. Капитан; 30. Капитан; 31. Капитан-лейтенант; 32. Капитан-инженер; 33. Старший лейтенант-инженер (в ВМФ, кроме корабельного состава); 34. Лейтенант ветеринарной службы (в ВМФ); 35. Прапорщик (мотострелковые войска); 36. Прапорщик (артиллерия, танковые, инженерные и технические войска, войска связи, строительные и трубопроводные части, служба ВОСО); 37. Прапорщик (авиация и ВДВ); 38. Мичман; 39. Старшина сверхсрочной службы; 40. Старшина (срочной службы).</p>									

Погоны маршалов, адмиралов, генералов, офицеров, прапорщиков и мичманов
Советской Армии и Военно-Морского Флота (1974 г.)

К повседневному обмундированию									
1.	2.	3.	4.	5.	6.	7.	8.	9.	10.
К повседневному обмундированию					К полевому обмундированию				
11.	12.	13.	14.	15.	16.	17.	18.	19.	20.
К полевому обмундированию			К повседневному и полевому обмундированию (сверхсрочной службы)			К парадно-выходному, повседневному и полевому обмундированию (срочной службы)			
21.	22.	23.	24.	25.	26.	27.	28.	29.	30.
Погоны старшин и матросов ВМФ									
						сверхсрочной службы		Авиации ВМФ	
31.	32.	33.	34.	35.	36.	37.	38.	39.	40.

1, 17. Маршал Советского Союза; 2, (3). Адмирал Флота Советского Союза (для белой тужурки); 4, 18. Главный маршал артиллерии; 5. Генерал армии; 6, 19. Маршал авиации для шинелей; 7. Адмирал (для закрытого кителя и синей тужурки); 8. Вице-адмирал (для белой тужурки); 9, 21. Полковник; 10. Капитан первого ранга; 11. Капитан 2 ранга (для белой тужурки); 12, 22. Капитан; 13, 23. Прапорщик; 14. Мичман; 15. Прапорщик (береговые части ВМФ — для закрытого кителя); 16. Мичман (для белой тужурки); 20. Генерал-полковник; 24, 27. Старшина; 25, 28. Старший сержант; 26, 29. Сержант; 30. Рядовой; 31, 37. Главный корабельный старшина; 32, 38. Главный старшина; 33. Старшина 1-й статьи; 34. Старшина 2-й статьи; 35. Старший матрос; 36. Матрос; 39. Старшина; 40. Старший сержант.

Погоны сержантов, солдат сверхсрочной, срочной службы, курсантов военных и военно-морских училищ, воспитанников суворовских военных и нахимовских военно-морских училищ (1973 г.)

Сверхсрочной службы						Срочной службы			
К парадно-выходному мундиру и шинели			К повседневному и полевому обмундированию			К парадно-выходному, повседневному и полевому обмундированию			
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
К рабочему обмундированию				Курсантов военных училищ					
11	12	13	14	15	16	17	18	19	20
Курсантов ВМФ (кроме корабельного состава)*						Суворовцев и нахимовцев			
21	22	23	24	25	26	27	28	29	30
<p>1, 4 Старшина; 2, 5, 8. Старший сержант; 3, 6, 9, 11. Сержант; 10, 14. Рядовой; 12. Младший сержант; 13. Ефрейтор; 15, 21. Курсант-старшина; 16, 22. Курсант-старший сержант; 17, 23. Курсант-сержант; 18, 24. Курсант-младший сержант; 19. Курсант-ефрейтор; 20, 26. Курсант; 25. Курсант-старший; 27–30. Погоны воспитанников суворовских военных училищ, погоны и погончики воспитанников нахимовских военно-морских училищ. * для курсантов военно-морских училищ с кантом белого цвета</p>									

две звездочки. Звездочки на погонах парадно-выходного и повседневного обмундирования прапорщиков и мичманов золотистого цвета. Звездочки на погонах полевое обмундирования прапорщиков СА, внутренних и пограничных войск защитного цвета, прапорщиков морской пехоты ВМФ золотистого цвета (табл. 3).

1973 год. 1 ноября 1973 года приказом министра обороны СССР 1973 г. № 250 утверждаются и вводятся в действие с 1 января 1974 г. новые Правила ношения военной формы одежды военнослужащи-

ми СА и ВМФ. Среди изменений в описании погонов можно выделить следующие:

— на погонах генерала армии не 4, а 1 звезда (табл.1);

— вводятся шифровки СА (Советская Армия), ВВ (Внутренние войска), ПВ (Пограничные войска), ГБ (войска КГБ) на погонах солдат и сержантов и К — на погонах курсантов. Надо сказать, что буквы эти появились ещё в 1969 году, но первоначально, согласно статье 164 Приказа министра обороны СССР от 26 июля 1969 г. № 191, носились только

Эмблемы родов войск и служб Советской Армии, введенные в 1974 г.

				
Мотострелковые войска	Инженерные войска	Химические войска	Строительные части и ВСО	Трубопроводные части

на парадном мундире. Делались буквы из анодированного алюминия, но с 1981 года по экономическим соображениям металлические буквы сменили на буквы из плёнки ПВХ (табл. 4);

— звание инженер-адмирал, инженер-полковник и т.д. — заменили на звание адмирал-инженер, полковник-инженер и т.д.;

— введены новые эмблемы родов войск и служб (табл. 5).

В связи с тем что форма одежды для личного состава Военно-Морского флота в основном осталась без изменений, то и в описании погон все осталось, как в приказе от 1969 года (табл. 3).

Анализируя данную часть рассматриваемого периода, необходимо отметить, что введение погон, как обязательного элемента военной формы одежды для определения воинского звания и принадлежности военнослужащего к конкретному роду войск (службе), в дни Великой Отечественной войны явилось выражением достигнутой Красной Армией высокой степени зрелости, боевого мастерства и воинской доблести. Тесные контакты с союзниками, как в годы Великой Отечественной войны, так и в послевоенный период, подталкивало руководство Советской армии заниматься не только совершенствованием военной формы в плане ее удобства и практичности, но ясно выявляющей принадлежность ее носителей к составу Вооруженных сил Советского государства.

При этом, как это было и ранее, в изменениях погон и знаков различия прослеживались три тенденции: для первой характерно заимствование внешнего вида и размещения в армиях иностранных государств; вторая тенденция была направлена на возрождение знаков различия Армии России до 1917 года; третья — попытка создать свою систему знаков различия военнослужащих.

Примечания

¹ Приказ МО СССР № 214 от 24 декабря 1956 г.

² Приказ МО СССР № 72 от 23 апреля 1957 г.

³ Приказ МО СССР № 143 от 22 июля 1957 г.

Библиографический список

1. Гирин А. Военная форма одежды военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации: традиции и современность. URL: <http://rugarud.ru/forum/index.php/topic,670.0.html> (дата обращения: 17.11.2016).

2. Кузнецов О. В. Военная геральдика в России во второй половине XIX — начале XX вв. Историческое исследование: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 1997. 26 с.

3. Денисова А. А., Тувышева Н. В. Форма одежды Советской Армии 1941 — 1945 гг. // Наука. Промышленность. Оборона: тр. XVI Всерос. науч.-техн. конф., посвящ. 70-летию По-

беды в Великой Отечественной войне. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2015. С. 267 — 271.

4. Каширина Е. И. Фалеристика и сфрагистика — отражение исторического пути Российского государства // Социально-гуманитарный вестник: межвузовский сб. науч. ст. Краснодар: Изд-во Краснодарского центра научно-технической информации (ЦНТИ), 2010. Вып. 6. С. 33 — 39.

5. Гусев И. Е. Ордена, медали и нагрудные знаки от Петра I до современности. М.: Изд-во АСТ, 2016. 160 с.

6. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск. В 19 ч. 2-е изд. СПб.: Типография «В. С. Балашев и К°», 1899.

Ч. 1. С. 206.

Ч. 19. С. 348.

7. Ульянов И. Э. Регулярная пехота 1801 — 1855 // История Российских войск. М., 1996. С. 166 — 168.

8. Раков Л. Русская военная форма. Очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы». Л.: Воениздат, 1946. С. 55.

9. Печейкин А. В. Погоны // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 78 — 79.

10. Кутепов В. К., Анкушева К. А. К истории введения погон и знаков различия в Армии России (1732 — 2014 гг.) // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность.

Ч. 1. 2014. № 5 (132). С. 16 — 21.

Ч. 2. 2015. № 1 (135). С. 10 — 16.

11. Приказ Народного Комиссара Обороны // Известия. 1943. 17 января. С. 1.

12. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР 1938 — 1975 г. / О введении новых знаков различия для личного состава Военно-Морского Флота СССР. М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1975. С. 373.

13. Приказ Министра обороны СССР № 105 от 30 июня 1955 г. URL: <http://www.vedomstva-uniforma.ru/forma1955/1955.html#1> (дата обращения: 15.11.2016).

14. О введении в действие Правил ношения военной формы одежды Маршалами Советского Союза, адмиралами флота Советского Союза, маршалами, генералами, адмиралами и офицерами Советской Армии и Военно-Морского Флота (на мирное время): приказ Министра обороны СССР № 120 от 4 августа 1956 г. URL: <http://www.vedomstva-uniforma.ru/forma1956/1956.html> (дата обращения 15.11.2016).

15. О введении погон нового образца для Маршалов Советского Союза, главных маршалов и маршалов артиллерии, авиации, бронетанковых войск, войск связи и инженерных войск: указ от 14 августа 1956 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 19. ст. 408.

16. Об изменении в описании погон для личного состава Советской Армии, Военно-Морского Флота, войск и органов Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР: указ от 26 марта 1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 8. ст. 178.

17. Новая форма одежды для военнослужащих Советских вооруженных сил // Красная Звезда. 1969. 1 августа. С. 4.

18. Ведомости Верховного Совета СССР. 1971. № 47. ст. 453.

19. Советская военная энциклопедия в 8 т. М.: Военное издательство МО СССР, Т. 3. 1977. 678 с.

КУТЕПОВ Виктор Анатольевич, кандидат исторических наук, заместитель начальника Учебного военного центра Омского государственного технического университета (институт военно-технического образования), г. Омск.

Адрес для переписки: kutepviktor@mail.ru
АНКУШЕВА Ксения Александровна, кандидат исторических наук, доцент (Россия), заведующая кафедрой отечественной истории института истории и политических наук Тюменского государственного университета, г. Тюмень.

Адрес для переписки: ank-kseniya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 23.12.2016 г.

© В. А. Кутепов, К. А. Анкушева

УДК 94(470)

А. Г. ГОРДЕЕВ

Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический
университет имени В. М. Шукшина,
г. Бийск

РОЛЬ ЗЕМСКИХ ИНСТРУКТОРОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЛОСТНОГО ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В БЕЛОЙ СИБИРИ НА ПРИМЕРЕ АЛТАЙСКОЙ ГУБЕРНИИ

Статья посвящена проблеме деятельности земских инструкторов. Автор рассматривает процесс организации в Алтайской губернии инструкторского дела. В центре внимания — структура и численность штатов инструкторского отдела Алтайской губернской земской управы и взаимоотношения с уездными инструкторскими отделами. Дается анализ причин неудач в инструкторовании волостных земств.

Ключевые слова: Сибирь, Гражданская война, белое движение, земство.

Работа выполнена при финансовой поддержке некоммерческой организации «Благотворительный фонд культурных инициатив (Фонд Михаила Прохорова)» (исследовательский проект № АМ — 107/16 Государственный аппарат как инструмент реализации внутренней политики антибольшевистских режимов на территории Алтайской губернии (июнь 1918—декабрь 1919 гг.))

Кризис развития российской государственности, влившийся в революцию 1917 г. и последовавшую Гражданскую войну, требовал разрешения. Одним из условий успешного функционирования любого государства является работоспособная система местной власти. В Белой Сибири часть функций по работе с земством лежала на инструкторах информационно-агитационного отдела МВД Временного Сибирского правительства. Однако параллельно с инструкторами МВД в уездах губернии работали земские инструктора. Вопрос функционирования земства на Алтае затрагивался в работах Чиркова А. А. [1], Шиловского М. В. [2], Яковлевой Н. А. [3]. Однако в этих работах не затронута деятельность одного из важнейших отделов губернской земской управы — инструкторского.

Для разъяснения решений Алтайской губернской земской управы и правильной постановки дела земского самоуправления был сформирован инструкторский отдел при губернской управе. Окончательное формирование данного отдела можно отнести к 30 августу 1918 г. Делать такой вывод

нам позволяет доклад заведующего инструкторским отделом Маркова М. П. Управа разрешила пригласить на должность губернских инструкторов четверых человек с окладом в 500 р. Распределить их решено было по одному на уезды Каменский, Змеиногорский, Славгородский и одного на Бийский с Каракорумским уездом [4, с. 107]. Такое распределение инструкторов требует небольшого пояснения. Бийский и Каракорумский уезды, вместе имевшие самую большую площадь среди других уездов губернии, получили одного инструктора на двоих. Повидимому, это было связано с тем, что новообразованный Каракорумский уезд не был еще утвержден центральным правительством. Задачи отдела определялись в основном насущной необходимостью. Необходимо было детально ознакомить малограмотное население с основными принципами местного самоуправления, раздать руководящие указания по всем вопросам земской жизни, снабжать земской литературой уезды и волости. Введенные в Сибирь после Февральской революции земские организации были мало понятны для сибирских крестьян,

и от успешного разъяснения их целей и задач в прямой зависимости было состояние тыла для Сибирской армии [5, с. 130].

В перечень задач отдела включалось непосредственное содействие правильной постановке на местах однообразного делопроизводства и отчетности и руководство отчетностями местных волостных самоуправлений, организация выборов как в земские волостные и уездные гласные, так и в Учредительное собрание. Обязанностью также была подготовка земских работников, регистрация уже работающих на местах и вакантных должностей волостных земских управ.

Первой работой инструкторов в сентябре 1918 г. планировался объезд всех волостей с целью ознакомления на местах, с какими же органами будет иметь дело земство. Нехватка средств на работу земских служащих вынудила губернскую управу просить помощи в организацию инструкторского дела у правительства. Алтгубзем просила оказать поддержку кредитами на оплату жалования губернским инструкторам в размере 2 750 р. в месяц, причем разъезды и другие расходы земство брало на себя [6, с. 56]. При этом стоит отметить, что правительство в лице информационно-агитационного отдела МВД испрашивало отчет о деятельности инструкторов и нуждается ли земство в материальной помощи в организации инструкторского отдела [7, с. 2].

По результатам проверок 9 сентября 1918 г. был созван в г. Барнауле первый организационный съезд заведующих инструкторскими отделами уездных земств. Присутствовали заведующий губернским отделом Марков М.П., делопроизводитель Малинин П. И., инструктор Андриякин Р. И., заведующий финансово-окладным отделом Городилов А. М., от Барнаульского уезда — член управы Зиновьев М. Н., инструктор Доброхотов В. П., Богданович А. П., от Бийского уезда — заведующий инструкторским отделом Стабников П. П., от Каракорумского уезда — заведующий инструкторским отделом Фокин В. Т., от Каменского уезда — секретарь управы Липски И. А., от Славгородского и Змеиногорского уездов никого не прибыло [8, с. 7].

Ситуация на начало осени в волостях Алтая сложилась следующая: волостное самоуправление было восстановлено в Барнаульском уезде, в Бийском уезде только организовывался инструкторский отдел [8, с. 8], Каменское уездное земство отказалось формировать инструкторский отдел с формулировкой «говоруны нам надоели и бесполезны», волостное земство было восстановлено в половине волостей [8, с. 8 об.]. Вызывает сомнение заявление представителя Каракорумского уезда о том, что инструктора работали в уезде уже с марта 1918 года [8, с. 9]. На наш взгляд, ёмко описано положение дел в уездах губернии в высказывании губернского инструктора-бухгалтера Козина Г. Т. И хотя он описывал ситуацию в Змеиногорском уезде, думается, что общая тенденция была именно таковой: «[...] какой бы стороны земского дела ни коснуться, везде ждут указания, разъяснения, и распоряжения, со стороны волостных управ совершенно не наблюдается никакой самодеятельности. Они еще не освоились и не поняли своих прав и обязанностей. Они не могут устраивать жизнь деревни на автономных началах без руководителей. Роль руководителя должна взять на себя уездная управа, но она так бедна рабочими силами, что пока обречена на полное бездействие в отношении

уезда. В уезде замечена тенденция к дроблению волостей [...]» [8, с. 3].

В конце работы съезда были уточнены и письменно оформлены обязанности инструкторов. Помимо выше перечисленных функций инструктор должен был ознакомиться с делопроизводством, счетоводством и отчетностью на предмет инструктирования волостных земских управ по всем этим и соприкасающимся с ними работам. А в случае необходимости полной ревизии всех дел волостных земских управ, инструктор уведомлял об этом председателя ревизионной комиссии. Оговаривались взаимоотношения между губернским инструктором и уездными инструкторами. Командированные губернские земские инструктора должны вести совместную работу с заведующими инструкторами уездных земских управ и способствовать в направлении работ районных-волостных инструкторов [8, с. 11]. Интересно, что на этом съезде высказались резко против участия инструкторов во взыскании недоимок. Считаем, что для лучшей иллюстрации позиции земских деятелей можно привести цитату из речи: «Инструктор должен быть проводником в населении света и знания, а посему, исходя из этого, при взыскании налогов инструктор должен, прежде всего, сделать подробное разъяснение о необходимости и целесообразности несения налога. Если население уклоняется, то инструктор должен доложить земской управе о финансовой мощи обследованного селения. В самой процедуре взимания налога во избежание потери доверия инструктор участие никоим образом принимать не должен» [8, с. 12]. Таким образом, именно на инструкторов ложилась основная задача помощи волостным земствам. Для успешного выполнения всех возложенных на него обязанностей инструктор должен был разбираться в широком спектре вопросов — от ведения бухгалтерии до постановки правильной организации избирательного процесса. Мы считаем, что возложение на одну должность такого количества обязанностей было явно оптимистично и недальновидно. Явно не учитывалась ситуация нехватки грамотных специалистов, уже ощущавшаяся осенью 1918 г.

К весне 1919 г. деятельность инструкторского отдела при губернской земской управе оказалась расстроена. После оставления службы заведующим Тимофеевым А. А., несмотря на все усилия управ, замены ему не нашлось. Из пяти должностей инструкторов замещены были только две. Работу в отделе пришлось поручить одному из них, при двух инструкторах в уезде. Отдел занимался утвержденным губернским собранием разделом волостей, установлением точных поуездных границ и выяснением и утверждением границ губернии. Давал руководящие разъяснения по многочисленным запросам с мест, вел работы через инструкторов в уездах, стремясь организовать там инструкторские отделы. После созванного 14–17 мая 1919 г. съезда инструкторов и заведующих отделами уездных управ для объединения инструкторской деятельности всей губернии разработана программа и условия деятельности инструкторов. Признано необходимым устройство уездных съездов-курсов для председателей, членов и секретарей волостных управ. Порученную ранее работу по изданию руководящих инструкций по земскому положению выполнить не удалось вследствие бумажного кризиса и ввиду неопределенности положения с земским законом в Сибири. Как показала практика, дело

инструктирования волостей может быть только тогда эффективным, когда его поставят должным образом уездные земства. Губернское земство с пятью инструкторами на губернию не могло оказать должной помощи в инструктировании всех волостей. Спроектировано преобразовать отдел в информационно-издательский с целью взаимного информирования губернского и уездного земства по всем вопросам земской жизни [9, с. 82]. 11 июня 1919 г. произошла реорганизация инструкторского отдела при губернской земской управе в информационно-издательский, упразднены должности инструкторов по введению земства и установлены две должности инструкторов-информаторов [10, с. 31]. Работа двух инструкторов губернии на местах заключалась главным образом в создании инструкторских отделов в уездах, что удалось, например, в Бийском уезде и частично в Каракорум-Алтайском и Змеиногорском. Кроме того, инструктора служили для связи между губернией и уездами [11, с. 6].

О положении дел в волостных земских учреждениях ярко свидетельствуют отчеты инструкторского отдела. Для характеристики ситуации в волостях Алтайской губернии возьмём в качестве примера Барнаульский уезд. Волостным секретарем в Тальменской волостной управе являлся бывший сельский писарь Иванов, который был практически не знаком с земским деломпроизводством. Некоторые из вспомогательных книг, например, «Смета доходов», «Смета расходов и переходящих сумм» использовали, переименовав их в другие названия. Другие книги по своему объёму были настолько малы, что не отражали положения в волости никаким образом. Инструктор сделал следующие замечание относительно секретаря управы: «Большее внимание уделяет самогонке, нежели делу». В Средне-Краюшкинской волости счетоводство велось по систематическим книгам. Секретарь управы хотя и малоопытен, но проявлял внимание к возложенному на него делу. В Белярской волости счетоводство велось по старым книгам и было настолько запутано, что инструктору так и не удалось понять, каким образом тратились полученные средства. Инструктор земств Барнаульского уезда М. С. Надеждин, рассмотрев, делопроизводство и денежную отчётность Голубцевской волости, нашёл: денежные книги ведутся по систематическому образцу, подшиваются в хронологическом порядке.

По всем волостям уезда наблюдалось полное незнание не только членами управы, но даже и секретарями правил о порядке учреждения опеки, охране сиротского имущества и воспитании сирот. Кроме личных разъяснений, данных инструктором на местах секретарям и членам, рекомендовано ознакомление с правилами, а также и ознакомление с ними старост и сельских секретарей [12, с. 5]. Малограмотность и некомпетентность волостных служащих иногда порождала эксцессы, которые в конечном счёте подрывали авторитет власти и земства. Приведём два примера. От Тальменской управы поступило в уезд донесение о положении в волости, однако затем волостной управы Жданов заявил, что не согласен с его содержанием. Он указывал, хоть оно подписано им, но содержание его не знал, т.к. из-за малограмотности подписывал приносимые секретарем Ивановым бумаги, не читая [12, с. 13]. М. С. Надеждин сообщал о ситуации с председателем волостной управы в Белярской волости Находкиным. Находкин уделял больше времени не исполнению служебных обязанностей, а пьянству.

По заявлениям очевидцев, он приходил в здание управы в пьяном виде. Самой вопиющей, по мнению Надеждина, была выходка, когда Находкин заявил в здании управы: «Военное время, нужно исполнять его приказы, он же решил пить три дня» [12, с. 21]. Встречались и куда более вредные для земского дела эксцессы. Так, например, были распространены перерасположки волостного и уездного сборов. В одной из управ инструктора наткнулись на такой факт: за сельскими обществами по окладной книге управы числилось недоимки волостного сбора 4 500 р., в кассе же управы за покрытием всех расходов за тот же год оставался излишек сумм 5 841 р. И еще более печальный факт обнаружен в другой волости: секретарь управы все отношения и запросы уездной управы относительно своевременной уплаты уездного земского сбора принимал за окладные листы и делал по ним расписку. В результате чего оказалась перерасположка в общей сложности на 160 947 р. 24 к.

Инструктора сетовали, что на должности волостных секретарей приглашаются те, которые только умели писать, не считаясь с их пригодностью или непригодностью [13, с. 119]. Инструкторские отделы при уездных управах, целью которых знакомить с основами и задачами земств население, вызвать в нем интерес к земству, содействовать и направлять земскую работу в волостях — за исключением Бийского уезда, почти распались, осталось по одному-три инструктора без заведующих отделами. Программы деятельности инструкторов весьма разнообразны, единого плана нет, а при некоторых управах инструктора просто являются агентами управы по разным поручениям, не связанным с инструкторской деятельностью. В инструкторских отделах по тем или иным настроением управы, происходит частая перемена в штатах и персонально в служащих, почему должности инструкторов часто пустуют [14, с. 4].

Чуть более чем за полгода деятельность земских инструкторских отделов в Алтайской губернии оказалась разрушена. Большинство обозначенных проблем на первом инструкторском съезде в сентябре 1918 г. не было решено, а в отдельных случаях и вовсе усугубилось. Изначально заложенное фактическое дублирование функций губернских и уездных инструкторов вылилось, на наш взгляд, в ситуацию, когда волость надеялась в решении проблем на уезд, уезд надеялся на губернию. Как итог, пять губернских инструкторов не справились с таким огромным объемом работы. Осознание и исправление этой ошибки пришло слишком поздно. Спешно преобразованный в июне 1919 г. губернский инструкторский отдел не мог уже поправить ситуацию в этом деле. Инструкторские отделы во всех, кроме Бийского, уездах губернии к этому времени фактически распались, а ведь именно они, по задумке, должны были стать руководящей силой для волостного земства. Как итог, инструктора справились с задачей введения волостного земства, однако постановка деятельности волостных управ была провалена. Таким образом, в деятельности земских инструкторов Алтайской губернии проявилась тенденция, характерная для Белой Сибири: с одной стороны, в целом правильное обозначение проблем, с другой некомпетентное их решение. В структуре оформления власти в Сибири правительство для связи с населением планировало использовать местные органы самоуправления. При этом непосредственное взаимодействие

с крестьянами возлагалось на земских инструкторов. От того, насколько успешно они справятся с возложенными на них обязанностями, напрямую зависит уровень поддержки Временного Сибирского, а позднее и Временного Всероссийского правительства.

Библиографический список

1. Чирков А. А. К вопросу о земстве на Алтае в 1917–1919 гг. // Факультет истории и права БПГУ им. В. М. Шукшина в документах, свидетельствах очевидцев: вчера, сегодня, завтра. Бийск, 2006. С. 139–143.
2. Шиловский М. В. Представительные и законодательные функции в деятельности земских учреждений Алтайской губернии в 1917–1919 гг. // Представительная и законодательная власть: история и современность: материалы науч.-практ. конф., 16–17 сентября 2009 г. Барнаул, 2010. С. 264–270.
3. Яковлева Н. А. Деятельность Алтайского земского самоуправления в 1917–1919 годах // Местное самоуправление на Алтае, 1747–1919: сб. док. / Адм. Алт. края, Упр. арх. дела адм. Алт. края; сост. О. Н. Дударева [и др.]. Барнаул: Алтайский полиграф. комбинат, 2003. С. 434–444.

4. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф. 233. Оп. 2. Д. 29.
5. Московкин В. В. Противоборство политических сил на Урале и в Западной Сибири в период революции и Гражданской войны (1917–1921 гг.). Тюмень: ТюмГУ, 1999. 215 с.
6. ГААК Ф. 233. Оп. 2. Д. 34.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-1561. Оп. 1 Д. 10.
8. ГААК Ф. 233 Оп. 2 Д. 119.
9. ГААК Ф. 233. Оп. 3. Д. 64.
10. ГААК Ф. 233. Оп. 3. Д. 33.
11. ГААК Ф. 233. Оп. 3 Д. 78.
12. ГААК Ф. 224. Оп. 1. Д. 103.
13. ГААК Ф. 233. Оп. 1в. Д. 11.
14. ГААК Ф. 233. Оп. 3. Д. 78. Л. 4.

ГОРДЕЕВ Александр Геннадьевич, аспирант кафедры историко-правовых и социально-гуманитарных дисциплин.

Адрес для переписки: lex.ag@mail.ru

Статья поступила в редакцию 18.01.2017 г.

© А. Г. Гордеев

УДК 93/94+327.5“1919”

М. М. СТЕЛЬМАК

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

НОТА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА АНТАНТЫ РОССИЙСКОМУ ПРАВИТЕЛЬСТВУ А. В. КОЛЧАКА: ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ ОМСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛЕТОМ 1919 г.

Статья посвящена исследованию особенностей взаимодействия правительства А. В. Колчака с иностранными союзниками антибольшевистского движения в связи с получением ноты об официальном признании. На основе широкого круга источников (воспоминания, дневники, документы, периодические издания) впервые предпринята попытка подробно рассмотреть со всех сторон реакцию политических деятелей на возможность признания омского правительства. Автором разобраны внешнеполитические условия накануне и после получения данной ноты, а также анализируются причины непризнания омского правительства.

Ключевые слова: Гражданская война в России, белое движение, Антанта, Омск, международные отношения.

В конце весны 1919 г. Российское правительство А. В. Колчака активизировало деятельность, направленную на международное признание со стороны союзных стран. По свидетельству управляющего Советом министров Российского правительства Г. К. Гинса: «Внешнюю политику делала армия. От неё зависели и размеры, и последовательность союзников» [1, с. 305]. И именно апрель–май 1919 г. были наиболее успешным периодом боевых действий для антибольшевистских сил на Восточном фронте. От успехов, прежде всего, зависело увеличение союзных поставок. В. Н. Пепеляев, министр вну-

тренних дел Российского правительства А. В. Колчака, один из главных организаторов омского переворота 18 ноября 1918 г., замечал по данному поводу: «Мы живём на проценты от тех эффектов, которые произвели весенним наступлением» [2, с. 165].

Однако, в то же время, большие усилия прилагала и дипломатия. Главная задача состояла в убеждении мировой общественности в демократичности правительства, разъяснении, что «антибольшевистское движение приведет к созданию новой, свободной, демократической России» [3, с. 203]. Весной 1919 г. Югославией было официально

признано Российское правительство А. В. Колчака. Но данный факт в Омске не был расценен как что-то важное и значительное. Гораздо важнее было признание западноевропейских государств, также Североамериканских Соединённых Штатов (далее — САСШ) и Японии. Поэтому в сибирской печати факт признания Югославией практически остался без внимания [4, с. 76].

В конце апреля 1919 г. в Омск приходят очередные приветствия от британского и французского правительств, выражающие надежду, что в скором будущем уже вся Россия в целом вернётся в ряды союзников. Вскоре похожие сообщения пришли из САСШ. «В начале мая получены были указания из Америки, что общественное мнение её начинает явно склоняться в сторону Омского правительства. Многие органы высказываются за признание адмирала Колчака» [1, с. 339]. Кроме этого, из Лондона сообщалось, что Великобритания не собирается признавать Советскую Россию [5, л. 47].

В Омске подобные сообщения не оставались без ответа. Так, в мае 1919 г. А. В. Колчак отправляет У. Черчиллю телеграмму с выражением персональной благодарности за его деятельность [6, с. 96]. Несмотря на это, от Российского правительства А. В. Колчака требовались гарантии в поддержке демократических институтов. Ещё в январе 1919 г. посол во Франции и член Русского политического совещания В. А. Маклаков, в секретной телеграмме в Омск отмечал, что «война здесь кончилась победой демократии и демократические идеи сильны. Это страшно влияет на отношение к России. Вопросы интервенции, признания Правительства, нашего полноправного участия на конгрессе и даже сами условия мира зависят от того, в какой мере будущая Россия будет внушать доверие и симпатии демократиям-победительницам. Необходимо не только воздержаться от каких-либо шагов, которые давали бы повод предполагать восстановление господства привилегий, но необходимы торжественные положительные заявления, которые показали бы истинное лицо той России, которая будет завтра» [7, л. 2].

В. О. Клемм, советник МИД на Дальнем Востоке на правах товарища министра в секретной телеграмме в Омск писал о своём частном разговоре с Ч. Элиотом следующее: «Я думаю, что виды на скорое признание правительства адмирала Колчака в общем благоприятны, но адмирал должен помнить, что за границей имеются влиятельные лица, настаивающие на представлении доказательств того, что Правительство это не реакционное» [8, л. 18]. Здесь сыграли свою роль и многочисленные заверения из Омска о созыве Учредительного (или Национального) собрания. Хотя сам А. В. Колчак в беседах со своими соратниками уточнял, что если вдруг созовёт его, то пустит туда только государственно-здоровые элементы (критерии отбора, видимо, оставались за ним) [6, с. 146].

Однако союзникам нужны были и другие гарантии, несмотря на то что на мирной конференции член делегации от антибольшевистской России Н. В. Чайковский в своём выступлении делал акцент на том, что А. В. Колчак ни в коем случае не будет содействовать реакции и доведет страну до Учредительного собрания. Поэтому 26 мая 1919 г. Верховным советом Антанты была составлена нота от Великобритании, Франции, Италии, САСШ и Японии об условиях оказания помощи Российскому правительству. В ней союзники уверяли о своей готовности в дальнейшем оказывать

помощь оружием, техникой и продовольствием. Но в ноте указывалось, что в связи с нарастанием протестов против вмешательства в Гражданскую войну в России хотелось бы получить гарантии, что «Верховный Правитель работает для русского народа, для свободы, самоуправления и мира» [3, с. 207]. Условия, указанные в ноте, сводились к нескольким пунктам:

1. Созыв Учредительного собрания при занятии Москвы.

2. Не оказывать сопротивления созыву и избранию городских и земских самоуправлений.

3. Не предпринимать попыток для восстановления прежнего аграрного режима, стеснения гражданских прав и религиозных свобод.

4. Признать независимость Польши и Финляндии, возникшие разногласия с Эстонией, Латвией, Литвой, «с кавказскими и закаспийскими народами», вопрос с ними решить при содействии Лиги наций [3, с. 207].

Реакция на ноту в Российском правительстве была двоякой. С. П. Мельгунов отмечал, что в Омске ноту союзников восприняли как некий экзамен, который хоть и раздражал, «но не время было раздражаться» [9, с. 289]. Уже 4 июня 1919 г. последовал официальный ответ союзникам. Стоит отметить, что данная нота не явилась чем-то особенным и неожиданным для Российского правительства, как предложение о созыве конференции на Принцевых островах. Примерно с начала 1919 г. в секретной переписке дипломатических представителей антибольшевистской России в Омск упоминались пункты будущей ноты. Из секретной телеграммы члена Русского Политического Совещания в Париже и Русской заграничной делегации на Парижской мирной конференции С. Д. Сазонова на имя П. В. Вологодского можно сделать вывод, что союзная нота передавалась в Омск практически одновременно с ответом на неё [3, с. 208]. В ответе от 4 июня 1919 г. по-прежнему выражалось уважение к союзникам, подчёркивался единый интерес в борьбе с общим противником. Подразумевалось, что никто не воспринял ноту, как вмешательство во внутренние дела России. А. В. Колчак отмечал: «Высоко ценя интерес, проявленный державами к национальному движению, и признавая законным их желание удостовериться в политических убеждениях, исповедуемых нами, я готов ещё раз подтвердить свои прежние декларации, которые я всегда считал неизменными» [9, с. 290].

В ответе было сказано, что сам А. В. Колчак не претендует на власть и передаст её вскоре после победы над противником Учредительному собранию. Но при этом оговаривалось, что это будет не прежнее собрание, распущенное в январе 1918 г., а заново избранное. В ответной ноте идея созыва Учредительного (или Национального, как предпочитал называть его А. В. Колчак) собрания служило универсальным инструментом. Касаясь вопросов, связанных с независимостью Польши и Финляндии, Верховный правитель не отрицал возможности признания, но подчёркивал, что не может принимать окончательного решения до созыва Учредительного собрания, поскольку только оно, как выразитель интересов народа, должно окончательно решить этот вопрос.

Далее в ответе говорилось о верности принципам декларации от 27 ноября 1918 г., признававшей все государственные долги России. В конце немало места было уделено демократическим

преобразованиям. К режиму, существовавшему в России до февраля 1917 г., не могло быть никакого возврата. Подчёркивалось, что Российское правительство не делает никаких препятствий к свободным выборам в поместные собрания, городские управы и земства и даже старается оказывать им свою поддержку. Вопросы местного самоуправления, судьбы земств не могли не написать в ответе, В. Н. Пепеляев отмечал в дневнике, что эти вопросы всегда волновали иностранцев [10, с. 83]. Последний пункт ответа гласил: «Поставив себе задачей восстановление порядка и справедливости и обеспечение личной безопасности населению, преследуемому и изнемогающему от испытаний, Правительство подтверждает равенство перед законом всех классов общества и всех граждан без всяких специальных преимуществ; все без различия происхождения и вероисповедания, будут пользоваться покровительством государства и закона» [9, с. 291]. В самом конце говорилось, что разрешение всех вопросов произойдёт после победы над противником [11, с. 380].

Условия ноты союзных держав, по своей сути, были одновременно нужны как правительствам западных стран, так и антибольшевистскому движению. На Западе постепенно росло недовольство участием вооружённых сил в Гражданской войне в России, сказывалась усталость от недавно завершившейся войны в Европе. В апреле 1919 г. происходит Черноморское восстание на кораблях французского ВМФ, вызванное нежеланием моряков участвовать в интервенции [12, с. 55].

Нужны были определённые заверения от Российского правительства А. В. Колчака в демократических намерениях. С другой стороны, ещё не забылись последствия приглашения антибольшевистских сил на Принцевы острова. В Омске подобная нота могла восприниматься как очередные притязания союзников на решение внутренних вопросов. Кроме этого, Российское правительство могло предстать в свете несамостоятельного и подконтрольного органа власти. Как вспоминал управляющий министерством иностранных дел Российского правительства А. В. Колчака И. И. Сукин о характере ноты: «Она произвела бы, несомненно, отрицательное впечатление и при развившемся в нашем общественном мнении раздражении и шовинизме могла бы вызвать резкий отпор. В то же время я сознавал крайнюю необходимость повернуть этот шаг держав в нашу пользу, а отнюдь не делать его источником новых осложнений» [13, с. 482].

Неоднозначным было отношение к ноте и со стороны кадетской партии, являвшейся главной опорой политического режима А. В. Колчака. Лидеры кадетов считали, что ради помощи демократических держав Антанты нужно прикрывать диктатуру А. В. Колчака «демократической фразеологией» [14, с. 236]. Но одновременно в Омске прекрасно понимали, что без союзной поддержки не обойтись, с условиями придётся считаться, хотя бы чисто на бумаге. Понимали это и союзники. Французский генерал М. Жанен в сообщении министерству иностранных дел Франции указывал, что Российское правительство ради признания подпишет всё что угодно [3, с. 208].

В итоге ответ устроил всех. В Омске нота была представлена как решающей шаг к официальному признанию, на Западе были удовлетворены демократическим тоном ответа [15, с. 2]. В послании

от союзников указывалось: «Союзные и дружественные державы счастливы, что общий тон ответа адмирала Колчака и его основные положения находятся в соответствии с их предложениями. Ответ содержит удовлетворяющие их заверения о свободе, мире и самоуправлении русского народа и его соседей. Поэтому они готовы предоставить адмиралу и присоединившимся к нему помощь, упомянутую в предыдущем сообщении» [3, с. 208]. Кроме этого, в омских официальных изданиях подчёркивалось, что ответ союзников окажет серьёзное влияние на ход Гражданской войны [16, с. 35].

Тем не менее ряд союзных представителей в кулуарах считал, что нота имеет важные уступки, поскольку не требует прекращения произвола, ограничения террора и гарантии открытых и быстрых разбирательств для арестованных [17, с. 77]. Тем более ещё в декларации Верховного правительства от 7 декабря 1918 г. заявлялось, что союзники во взаимоотношениях с правительством А. В. Колчака будут руководствоваться «великим идеалами гуманности, справедливости и международной солидарности» [18, с. 345].

Антибольшевистские газеты Сибири пытались представить ноту как фактическое признание на Западе. «Из Парижа телеграфируют, что движение в пользу признания правительства адмирала Колчака союзниками настолько сильно, что опубликование такого акта в скором времени не будет ни для кого удивительным» [19, с. 3]. Подробно излагались перспективы, связанные с признанием, причём в духе, будто оно уже давно совершилось [20, с. 3]. Приводились материалы западной прессы: «Газета "Дэйли Хроникл" на основании сведений, полученных от Ллойд Джорджа, сообщает, что британское, вероятно, скоро признает правительство адмирала Колчака» [21, с. 2].

Ещё до официального ответа на ноту, С. Д. Сазонов в секретной телеграмме от 1 июня 1919 г. на имя управляющего министерством иностранных дел И. И. Сукина описывая впечатление от встречи с государственными и общественными деятелями Великобритании и Франции отметил, что они крайне заинтересованы в поддержке Российского правительства А. В. Колчака [7, л. 58].

Здесь можно увидеть совпадение классовых интересов антибольшевистских сил и правительств союзных держав в борьбе с общим противником. Для антибольшевистского лагеря главной целью являлась победа над неприятелем, узурпировавшим, по их мнению, власть. Для союзников наилучшим вариантом являлась победа дружественного политического режима, обеспечивающего доступ к российским ресурсам, и получение доли в промышленных отраслях. Кроме этого, союзники видели в белом движении единственную силу, сражающуюся с большевиками, которая вынуждена была просить у союзных держав помощь, на словах идя на любые демократические преобразования. Будущие границы России ставились в зависимость от воли Учредительного собрания.

Такая формулировка была необходима, чтобы не испортить отношения с антибольшевистскими движениями на окраинах бывшей империи, скрывая истинные намерения в целях общей миссии. Н. В. Чайковский ещё весной 1919 г. отметил, что белые правительства и их представители всё ещё продолжают понимать задачу собирания земель русского государства в смысле приемов XVI–XVII вв., что ставит всё дело на мёртвую точку [3, с. 196].

Выше уже упоминалось отношение А. В. Колчака к государственно-здоровым элементам в Учредительном собрании. Среди представителей союзников, находящихся в Омске, восприятие Верховного правителя носило разные формы. Его, безусловно, поддерживал глава британской военной миссии, генерал А. Нокс, положительно оценивающий диктаторскую форму власти. Ещё в 1917 г., после корниловского выступления, А. Нокс заявил: «Этот народ нуждается в кнуте! Диктатура — это как раз то, что нужно» [22, с. 127]. О своих симпатиях к омскому правительству А. Нокс неоднократно писал в телеграммах в Военное министерство Великобритании [23, с. 130].

Ещё одна задача ноты заключалась в успокоении общественного мнения западных стран, поскольку в Европу и Америку так или иначе проникали слухи об отсутствии у А. В. Колчака симпатий к республиканской форме правления. В первой половине 1919 г. в САСШ неоднократно высказывались требования о выводе американских войск из Сибири [24, с. 67]. В связи с чем в Сенате 25 июля 1919 г. президент САСШ В. Вильсон был вынужден аргументировать присутствие союзников в Сибири и на Дальнем Востоке [25, с. 23]. В конце мая 1919 г. в Нью-Йорке состоялся митинг против еврейских погромов в России, участники которого отправили в Париж резолюцию, требующую пресечь погромщиков [26, с. 374]. Данная акция была вызвана известиями о немалом количестве антисемитских прокламаций, выходящих на территории антибольшевистской России [27, с. 320].

Впрочем, сибирские газеты как для местного населения, так и для союзников представляли А. В. Колчака человеком, который имеет демократическое прошлое, что может служить для Запада прочной гарантией [28, с. 2]. Приводились слова союзных дипломатов, подчёркивающих, что А. В. Колчак не является ни сторонником дореволюционного режима, ни монархистом, что это честный солдат, одним из первых признавший Временное правительство [29, с. 1]. Акцентировалось, что, по мнению западных политических деятелей (например, У. Черчилля), только Российское правительство А. В. Колчака не позволит «вернуть прогнивший старый режим» [30, с. 3]. Одновременно за рубежом предпринимались попытки придать А. В. Колчаку имидж сторонника демократической формы правления. В британской газете «Таймс» А. В. Колчак был показан союзником, правильно взявшим власть в свои руки [31, с. 90]. Премьер-министр Великобритании Д. Ллойд-Джордж в интервью газетам положительно оценивал личность А. В. Колчака, считая, что его можно убедить пойти на демократические реформы [32, с. 312]. Вскоре после ответа на ноту американская газета «Нью-Йорк Трибун» указывала, что омское правительство пользуется поддержкой социалистических и демократических организаций со всей России [33, с. 131]. Сибирская пресса отмечала, что иностранные державы и впредь готовы предоставлять помощь А. В. Колчаку, поскольку довольны содержащимися в его ответе на ноту заверениями о демократии, свободе самоуправления русского народа и его соседей [34, с. 1].

Данные формулировки были далеки от реальности. А. В. Колчак резко негативно относился к демократическим формам правления, отдавая предпочтение единоличной власти. По сути, он не переставал оставаться монархистом и после Фев-

ральской революции [35, с. 185]. «После Февраля 1917 г. у Колчака произошла смена политических ориентиров, но не взглядов, и его мировоззрение эволюционировало в сторону установления военной диктатуры и вовлечения армии в управление страной» [36, с. 191]. Согласно личному мнению Д. Ллойд-Джорджа, А. В. Колчак являлся монархистом, хотя британский премьер-министр это не афишировал. На деле Российское правительство А. В. Колчака не соответствовало ни парламентской демократии, ни президентской республике, являясь военным режимом [37, с. 50]. Сам Верховный правитель, как человек милитаристских взглядов, симпатизировал японской политической системе, о чём он сам утверждал в личной переписке [38, л. 90]. Причём это сказывалось и в организации пропаганды для местного населения, отличающейся от информации, предназначавшейся для заграницы: «Колчаковский военный русский национализм представлял собой типично этатистскую модель. В основу был заложен аффект страха. Националистическая пропаганда пыталась вызвать у населения страх за гибель русской культуры, православной России и тем самым мобилизовать его на борьбу с врагами русского народа — большевиками» [39, с. 155].

Что касается восприятия помощи от союзных правительств в Омске, то их действия зачастую не вызывали у А. В. Колчака восторга, хотя помощь, даже присутствие на территории России для победы над общим противником всегда приветствовалась. Так, в июле 1919 г. во время доверительной беседы с представителями общественности А. В. Колчак говорил о союзниках: «Моё мнение — они не заинтересованы в создании сильной России... Она им не нужна» [40, с. 304]. В этой ситуации А. В. Колчак высказал характерное для антибольшевистских политиков мнение. Понимая, что в этом конфликте союзники в той же мере не приемлют большевиков, единого представления о будущей роли в России у зарубежных политических деятелей не было выработано.

Однако в мае 1919 г., прибыв в Уфу, Верховный правитель на официальных торжественных встречах хвалил союзников. «Всем известно, что союзники нам помогают; уже одно это, осознание, помимо реальной помощи, вселяют в нас бодрую уверенность, что дело наше верное, расчеты точны, руководители надёжны и приведут нас к страстно желаемой цели» [41, с. 16]. Далее подробно перечислялось количество военных поставок от Великобритании, как пример их уверенности в победе антибольшевистских сил: «Сопоставляя всё сообщённое, всякий с удовлетворением скажет: практичные люди — а кто посмеет отказать англичанам в практичности, так помогать не станут в деле, построенном не на твёрдой уверенности, а на риске и на вере в счастливую случайность» [42, с. 16].

Но данные союзнические договорённости могли срывать лишь в случае успехов на фронте. В союзных столицах помнили неудачный опыт с Директорией, свергнутой в ноябре 1918 г., накануне признания [42, с. 111]. До её свержения союзники были благоприятно настроены к омскому правительству [43, с. 29]. Согласно воспоминаниям посла антибольшевистской России в Лондоне, К. Д. Набокова, союзники опасались, что судьбу Директории повторит правительство А. В. Колчака [44, с. 245]. Во французском правительстве также склонялись к признанию Директории, пока

не получили известие о приходе А. В. Колчака к власти [45, с. 222].

Но в итоге признания не произошло по объективным причинам. Летом 1919 г. инициатива на Восточном фронте переходит к Красной Армии. От союзных дипломатов приходили с мест неутешительные новости. Посол САСШ в Японии Р. Моррис, неоднократно призывавший признать правительство А. В. Колчака, положительно оценивавший его власть, сменил своё мнение. Посетив Омск летом 1919 г., Р. Моррис в телеграмме отмечал, что правительство потеряло связь с кооператорами, земствами и партийными организациями, отдав власть военным, в результате чего последовал крах в санитарной, финансовой и экономической сфере [18, с. 352]. Сыграли немаловажную роль и донесения иностранных военных. В секретном доносении подполковник американской военной миссии Р. Л. Эйхельберг так описывал ситуацию в Сибири летом 1919 г.: «Самая значительная слабость Омского правительства состоит в том, что подавляющее большинство находится в оппозиции к нему. Грубо говоря, примерно 97 % населения Сибири сегодня враждебно относится к Колчаку... Омское правительство ведёт борьбу против демократии» [46, с. 112]. Несмотря на внешнюю доброжелательность иностранных союзников антибольшевистского движения к Российскому правительству А. В. Колчака, за границей подходили к вопросу его признания довольно осторожно. Кроме опасений насчёт его неустойчивости западные политические деятели получали информацию о неспособности омского правительства в кратчайшие сроки решить внутренние проблемы. Хотя идея о признании А. В. Колчака поднималась вплоть до начала ноября 1919 г., падение белого Омска заставило забыть об этом.

Библиографический список

1. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920. М.: Айрис-пресс, 2013. 672 с. + вкл. 24 с.
2. Звягин С. П. В. Н. Пепеляев: судьба либерала из Сибири в начале XX века: моногр. Томск: Изд-во Томского политех. ун-та, 2012. 342 с.
3. Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и её крах. М.: Мысль, 1983. 294 с.
4. Нестеренко П. Л. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства адмирала Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Томск, 2000. 171 с.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-200. Оп. 1 Д. 225.
6. Хандорин В. Г. Адмирал Колчак: правда и мифы. Томск: Изд-во Том. гос. архитектур.-строит. ун-та, 2006. 269 с.
7. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 115.
8. ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 58.
9. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: В 2 кн. Кн. 2. Часть III. М.: Айрис-Пресс, 2004. 496 с.
10. Квакин А. В., Князев В. В., Смирнов М. И. [и др.]. Окрест Колчака: документы и материалы. М.: Аграф, 2007. 512 с. ISBN 978-57784-0335-2.
11. Плотников И. Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России. М.: Изд-во Центрполиграф, 2002. 702 с.
12. Курганов И. А. Иностранные участники коммунистической революции // Первопоходник. 1973. № 15. С. 46–57.
13. За спиной Колчака: Документы и материалы / Под ред. А. В. Квакина. М.: Аграф, 2005. 512 с.
14. Хандорин В. Г. Идеино-политическая эволюция либерализма в Сибири в период революции и Гражданской войны. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2010. 368 с.
15. К вопросу о признании Российского правительства // Правительственный вестник (Омск). 1919. 25 июня.
16. Кипарисов В. Верховный правитель адмирал А. В. Колчак. Омск, 1919. 37 с.
17. Светачев М. И. Империалистическая интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке (1918–1922 гг.). Новосибирск: Наука, 1983. 338 с.
18. Шиловский В. М. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов. 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.
19. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 13 июня.
20. О признании Всероссийского правительства // Вестник Томской губернии (Томск). 1919. 11 июня.
21. К ожидаемому признанию Омского правительства // Народная свобода (Барнаул). 1919. 3 июня.
22. Ланцев С. Н. А. Ф. Керенский, Л. Г. Корнилов и британское политическое сообщество: ориентация на военную диктатуру // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Языковедение. 2012. № 2. С. 123–128.
23. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака. 1917–1920. М.: Центрполиграф, 2006. 272 с.
24. Советский Союз глазами американцев. 1917–1977. Документы и материалы. М.: Мысль, 1979. 348 с.
25. Россия и США: Экономические отношения. 1917–1933. Сборник документов. М.: Наука, 1997. 441 с.
26. Будницкий О. В. Российские евреи между красными и белыми (1917–1920). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 552 с.
27. Нам И. В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 2009. 500 с.
28. Россия и союзники // Пришимье (Петропавловск). 1919. 20 июня.
29. Россия и союзники // Правительственный вестник (Омск). 1919. 10 июля.
30. Телеграммы // Правительственный вестник (Омск). 1919. 19 июня.
31. Волков Е. В., Ирвин Д. Д. А. В. Колчак как политик: образы и оценки Верховного правителя в британской прессе (1918–1920 годы) // Новый исторический вестник. 2016. Т. 47. № 47. С. 87–100.
32. Виноградов К. Б. Дэвид Ллойд Джордж. М.: Мысль, 1970. 412 с.
33. Глуценко Н. А. Гражданская война и интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times» аспект: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Томск, 2014. 263 с.
34. К вопросу о признании правительства адмирала Колчака // Енисейский вестник (Красноярск). 1919. 28 июня.
35. Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: моногр. Омск: Изд-во Омского гос. ун-та, 2011. 260 с.
36. Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб.: «ДМИТРИЙ БУЛАНИН», 2012. 200 с.
37. Бучко Н. П., Ципкин Ю. Н. Политические взгляды и деятельность А. В. Колчака в 1917–1920 гг. //
38. Исторический архив Омской области. Ф. Р-3436. Оп. 1. Д. 5.
39. Сушко А. В. К вопросу о характере и значении колчаковской пропаганды в Гражданской войне // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 411. С. 148–157.
40. Устрялов Н. В. Белый Омск. Дневник колчаковца // Русское прошлое. СПб., 1991. № 2. С. 283–338.

41. По ту сторону Урала (в царстве Колчака). Уфа: Издание Уфимского Губернского Революционного Комитета, 1919. 39 с.
42. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.
43. Филатьев Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири: 1918—1922 гг. Впечатление очевидца. Париж, 1985. 145 с.
44. Набоков К. Д. Испытания дипломата. Стокгольм: Северные огни, 1921. 282 с.
45. Смолин А. В. Маклаков В. А. Воспоминания о посольской деятельности. Отрывок // Труды кафедры истории нового и новейшего времени. 2014. № 13. С. 206—227.
46. Кирмель Н. С. Борьба органов колчаковской контрразведки с военным и политическим шпионажем (1918—1919 гг.) // Армия и общество: науч.-инфор. журн. 2007. № 1. С. 108—115.

СТЕЛЬМАК Максим Максимович, аспирант кафедры отечественной истории.

Адрес для переписки: stelmakmm@mail.ru

Статья поступила в редакцию 19.01.2017 г.

© М. М. Стельмак

Книжная полка

Васильев, А. История Древнего Востока : учеб. пособие / А. Васильев. — М. : Юрайт, 2017. — 308 с. — ISBN 978-5-9916-9362-2.

В предлагаемом издании история Востока излагается в рамках единой авторской концепции. В нем рассматривается история древних государств и обществ Азии и Африки. Дается оценка особенностей развития разных стран Востока; большое внимание уделяется процессу социо- и политогенеза, сложности структуры власти и отношений собственности в неевропейском мире, а также описанию и анализу исторического пути, традициям и специфике религиозно-цивилизационных ценностей различных народов. Соответствует актуальным требованиям Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования. Для студентов, обучающихся по гуманитарным направлениям, а также для всех интересующихся историей человечества и мировых цивилизаций.

Кулишер, И. История экономического быта Западной Европы. В 2 т. Т. 1. Средневековье : учеб. / И. Кулишер. — М. : Юрайт. — 2017. — 328 с. — ISBN 978-5-9916-9506-0, 978-5-9916-9516-9.

Предлагаемая книга является репринтным изданием работы И. М. Кулишера «История экономического быта Западной Европы» (т. 1 — издание 1926 г.; т. 2 — издание 1931 г.). Автор на основе обширного фактического материала проследил эволюцию различных сторон экономической жизни стран Европейского континента с раннего Средневековья до середины XIX века. Экономическое развитие Западной Европы рассматривается как единый процесс, хотя автор уделяет большое внимание и отдельным странам. В книге рассматриваются вопросы численности населения, структуры потребления, все стороны повседневной жизни представителей различных сословий, городских и сельских жителей, а также изменение их взглядов, традиций и психологии в сфере хозяйственной деятельности. Переведена на немецкий, португальский, итальянский, польский, сербско-хорватский и японский языки. Первый том охватывает период Средневековья, второй том — Новое время. Для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям, и всех интересующихся историей экономического развития Западной Европы.

Исхакова, О. История Франции : учеб. / О. Исхакова. — 2-е изд., исправ. и доп. — М. : Юрайт, 2017. — 278 с. — ISBN 978-5-534-00160-0.

В настоящем учебнике изложена история Франции с древнейших времен до начала XXI века. Представлена эволюция социально-экономических отношений — от раннефеодальных до современной постиндустриальной эпохи. Значительное внимание в учебнике уделено политической жизни страны. Учебник написан на основе анализа отечественной и зарубежной научной литературы, новейших исследований по проблемам французской истории и различных значимых документов — договоров, конституций и т.д. Для студентов бакалавриата гуманитарных направлений, широкого круга читателей, интересующихся историей Франции.

История России. Учебник и практикум / Под ред. К. Соловьев. — М. : Юрайт, 2017. — 254 с. — ISBN 978-5-534-01272-9.

В учебнике представлен широкий круг сюжетов — политические, социальные, экономические и интеллектуальные аспекты истории России IX—XXI вв., отражены теоретические, методологические и историко-ведческие проблемы, современное состояние исторического знания. Учебник снабжен необходимыми справочными материалами, тестовыми заданиями, библиографическим указателем. Текст, написанный живо и увлекательно, отражает основные события российской истории и настоящее состояние исторического знания. Освоив материалы этого учебника, студент поймет, о чем спорят историки, как современные исследователи оценивают важнейшие явления прошлого страны, каковы новейшие подходы в изучении истории, которая предстанет единым потоком непрерывных изменений политических и общественных институтов, дающих о себе знать и по сей день.